

ЕВГЕНИЙ АНТАШКЕВИЧ

Т Р И Л О Г И Я

ХАРБИН

Нашествие

FICITION

Харбин

Евгений Анташкевич

Харбин. Книга 2. Нашествие

«Центрполиграф»

2012

Анташкевич Е. М.

Харбин. Книга 2. Нашествие / Е. М. Анташкевич —
«Центрполиграф», 2012 — (Харбин)

На первый взгляд, вернувшись с фронтов Первой мировой к семье в Харбин, полковник русской армии Александр фон Адельберг ведет жизнь мирного обывателя. Сменив военный мундир на штатский костюм, ходит на службу в управление Китайской Восточной железной дороги, посещает с супругой званые обеды и балы, принимает гостей, выезжает на дачу. Его сын Сашик взрослеет в атмосфере любви, доверия и, казалось бы, не имеет секретов от родителей. Однако мир и благополучие города держится на хрупком равновесии. Слишком много разнонаправленных военных и политических интересов сошлись на территории Маньчжурии.

Содержание

Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Анташкевич

Харбин. Книга 2. Нашествие

© Анташкевич Е.М., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Степан Фёдорович ещё листал дело «Патрон», когда неожиданно услышал шаги в коридоре; он посмотрел на часы – было семь часов тридцать шесть минут.

«Уборщица, – подумал он и поднял голову. – Через полтора часа пойдут сотрудники, и спокойно почитать уже не получится. Буду им мешать!»

Он перевернул ещё несколько страниц и увидел документ, напечатанный на тонкой папиросной бумаге слабыми, уже почти выцветшими буквами:

«Вх. № 1612 копия с копии
От 28.У-29 г.
Телеграмма
Срочно Москва Карахану
Владивостока
Шифры и переписка уничтожены никто из сотрудников не арестован
Подробное письмо отправляется нарочным Мельников.
Копии: Тт. Сталину, Рыкову, Ворошилову, Ягоде, Трилиссеру, чл.
Коллегии НКВД, т. Козловскому.
Верно: Общ. Политархив НКВД».

«Да! – подумал Соловьёв. – Значит, тогда, в мае двадцать девятого, белокитайцам действительно ничего не удалось найти».

За телеграммой была подшита «Сводка наружного наблюдения», но её было интересно читать только тем, кто её заказывал, – им были важны детали, и он стал искать «Меморандум».

«Меморандум» оказался сразу за «Сводкой» и был очень коротким, в нём было написано, что «объект Патрон 22 мая 1929 года вместе с семьёй отбыл из Харбина в Маоэршань на отдых и в районе советского генерального консульства на Гиринской улице зафиксирован не был».

Степан Фёдорович взял со стола календарный листок, заложил им то место, где был подшит «Меморандум», и ещё раз посмотрел на часы.

«Сегодня пятница, – подумал он. – Про Патрона хотелось бы дочитать без помех... Вечером собрание и банкет; начальник управления там обязательно будет, попрошу-ка я его, чтобы разрешил мне прийти завтра, в субботу, пусть Мальцев выпишет пропуск».

Он с сожалением закрыл дело, отодвинул его в сторону и взял вторую папку, тоненькую, с надписью:

УНКВД СССР по Хабаровскому краю.
Спецотряд № 16.
Контрольно-наблюдательное дело
«Императорская японская военная миссия»
г. Харбин. Маньчжурия.
Сотрудники.
Капитан Коити Кэндзи.
Том № 38.

1946 г.

«Коити Кэндзи! Хм! Это сколько же они перелопатили архивов, чтобы найти мне именно это! Молодцы!» – подумал Степан Фёдорович и развязал тесёмки.

Внутри папки, к его удивлению, не оказалось ни привычной «Описи документов», ни «Постановления о заведении», была только сделана запись на чистом листе о том, что «к данному делу приобщены личные письма (дневники) бывшего сотрудника харбинской Императорской японской военной миссии (ЯВМ) капитана Квантунской армии Коити Кэндзи».

Он перевернул её, за ней оказались подшитые суровой ниткой большие канцелярские конверты из плотной обёрточной бумаги; на конвертах не было никаких надписей и пояснений. Степан Фёдорович осторожно, чтобы не порвать ветхую, уже ломкую бумагу, открыл первый конверт и вынул из него страничку в косую линейку из обычной школьной тетрадки. Она была сильно помята, с чернильными потёками, и на ней было написано по-русски:

«Здравствуйте, уважаемая Софья Андреевна!

Пишу Вам из Хабаровска. Мы здесь живём хорошо. Нас хорошо кормят и не заставляют много работать. Сейчас ещё желтая тёплая осень. Мы изучаем много политической литературы обо всём в мире, и в первую очередь о Великом Советском Союзе. Я не считаю себя в плену, потому что Великий Вождь Товарищ Сталин не держит нас в плену, а учит хорошо работать и правильно понимать миролюбивую политику Первой страны социализма – Советского Союза. Сейчас я знаю, что мы – японские милитаристы – очень виноваты перед Великим Советским Народом, и мы должны исправиться и помочь строить социализм!

Всегда Ваш, Коити Кэндзи».

На этом письмо заканчивалось, и ниже шла сноска: «Данное письмо получено от агента Оки. К делу приобщить» – и подпись: «Ст. оперуполномоченный УМГБ при СМ СССР по Хабаровскому краю капитан Челноков А.С.».

Степан Фёдорович прочитал и задумался.

«Странно! Ни тебе конверта, ни адреса! Какой же Софье Андреевне мог писать капитан Коити? Зазнобу нашёл в Хабаровске? Вряд ли! Содержание в спецлагере было довольно строгое. Хотя бог его знает, стройка... поварихи! Да мало ли, давай дальше!»

Он открыл следующий конверт, в нём оказался лист, на нём было написано «Соня» вместо «Софья», по-русски и без отчества, а дальше шёл текст иероглифами.

«Черт! Опять эти «ерошки»!» – ругнулся про себя Степан Фёдорович, залез рукой в конверт и вытащил аккуратно сложенный лист машинописной бумаги, развернул его и прочитал:

Письмо № 2

(перевод с японского)

«Здравствуй, Соня!...»

«Ну вот! Есть перевод, уже легче, – подумал он. – Штабная культура! Итак!»

«Здравствуй, Соня!

Почему-то мне кажется, что ты меня могла уже забыть. Но надеюсь, что нет. Я живой. Много работаем на стройке, на свежем воздухе, поэтому сил много. Хотя зачем я это всё пишу? Ты никогда этого не прочитаешь, просто разговариваю с тобой, потому что все наши могут говорить только про любовь к твоей родине. Это не первое письмо, но все предыдущие я уничтожил. Я не хочу, чтобы кто-то читал мои мысли к тебе.

Как Верочка? Ходит ли она ещё в гимназию?

Хотя какая гимназия, она сейчас, наверное, уже невеста!

Интересно, что бы ты мне сейчас ответила, если бы его получила?
Твой *Ko*».

Степан Фёдорович дочитал последние слова и привычным движением подтолкнул пальцем сползавшие очки в тяжёлой чёрной пластмассовой оправе.

«Ну да! Ну да! Письмо как письмо... – подумал он. – Гимназия? Конечно, гимназия! Вера, Соня! Не о поварихе речь... давай дальше!»

Третий конверт тоже оказался с переводом.

Письмо № 3
(перевод с японского)
«Здравствуй, Сонечка!

Пишу тебе нечасто. Сейчас было бы уместно перед тобой извиниться, что я ещё не «совсем сумасшедший». Помнишь, как меня дразнила твоя сестра, когда они с Сашиком надо мной издевались!

Кстати, никогда не понимал, что такое «Сашик»! Знаю, что есть русское имя Александр, что можно сказать – Саша или, как вы говорите и как нас учили в университете в Токио, – Саня, Санька, а тут – «Сашик»! Мне одна его фамилия чего стоила – Адельберг, да ещё и фон. Помнишь, как я сократил его фамилию и обращался к его папе – Адэ-сан!...»

Соловьёв на секунду оторвался от письма: «Ну-ка, ну-ка!»

«...Мне за такое обращение к русским всегда здорово попадало от А-сан, хотя он и сам так называл его отца».

«А-сан»? Что за «А-сан»? – Степан Фёдорович задумался. – Понял! Это – Асакуса! Полковник Асакуса!»

«...Часто вспоминаю стишок, написанный твоей сестричкой. Верочка тогда на меня ещё сильно обиделась, помнишь, на набережной, когда я сказал, что он совсем детский и не везде правильно рифмованный...»

Степан Фёдорович прочитал название стихотворения и первую строчку:

Последняя слеза!
На молодой берёзке...

«Березки», «слёзки», – подумал он, стихотворение было длинное, он перевернул лист; на следующем оно заканчивалось:

...Безжалостно терзая
Ни в чём невинного птенца.

«Я воспроизвожу по памяти, может быть, с ошибками, пусть меня Вера простит.

Глупый я был тогда. А с другой стороны – это было так неожиданно. Совсем девочка, а пишет такие серьёзные и грустные стихи. Я был не готов к такому обороту. Она нас с Сашиком ещё обозвала «сумасшедшими извращенцами». От Сашика отлипло, а ко мне прилипло! Откуда она и слова такие знала? Хотя вы, русские, все немного сумасшедшие и извращенцы!

Всё, писать больше не могу. Сейчас придёт охрана».

Слова японского капитана о русских немного задела Степана Фёдоровича. «Почему это мы все сумасшедшие, – подумал он, – да ещё и извращенцы? А кто кого?»

Следующий конверт был толстый.

Письмо № 4
(перевод с японского)

«Здравствуй, моя хорошая!
Лежу в больничке. И сразу вспомнил...»

Соловьёв оторвался от чтения. «Теперь понятно, – подумал он. – Первое письмо, про Сталина, он выкинул, потому что понял – отправить его, тем более в Харбин, Соне, один хрен не удастся, мэй ёу фанцзы, и писал с учётом цензуры, то есть перлюстрации! Это ясно! А агентура, из своих же – агент Оки, уследила и передала кому следует. Ему, видимо, намекнули, он это понял и дальше писал для себя. Так сказать, – «дневники души», «в стол». Читаем!».

«...ты же не знала, что я офицер японской армии, ты многого не знала.
До сих пор тебе спасибо! Сейчас всё это вспоминается как-то странно,
как писал наш поэт Гомэй:

Вон бабочки снуют
Туда-сюда – всё ищут
Ушедшую весну...»

Степан Фёдорович достал следующий лист:

«А я сейчас опять же, как у древнего поэта Басе:

Странник! – Это слово
Станет именем моим.
Долгий дождь осенний!»

На этом письмо № 4 заканчивалось.

«Интересный капитан! И грустный! Как он написал здесь... – Степан Фёдорович поискал глазами: «Странник! – Это слово станет именем моим!..» Действительно странник! А в общем, все мы – странники! Ко – Коити – Коити Кэндзи, объект оперативной разработки, псевдоним Молодой. Кстати, это письмо он не подписал. Может, помешали?»

Он открыл следующий конверт, тоже пухлый: «В карцере, что ли, сидел? Много времени было?»

Письмо № 5
(перевод с японского)
«Здравствуй, Сонечка!

Меня, как, наверное, самого неопасного, как они думают, перевели со стройки в канцелярию, на перевод документов к судебному процессу над японскими военными преступниками.

Сколько мы с тобой общались, а я так ни разу и не рассказал тебе ничего из моего детства. А оно было. Я сын и внук самурая. До универси...»

Дальше было неразборчиво, Степан Фёдорович повертел лист, попытался посмотреть его на просвет, но перевод читался только местами, в начале, в конце и отрывочно в середине. Он достал из конверта другие листы – ветхие, ломающиеся на сгибах, напечатанные через сла-

бую синюю копирку – и попытался вчитаться. «До универси...» – разбирал он, – надо думать, «университета», а дальше наши следователи зачитали всё до дыр, видимо, здесь он правдиво описал что-то вроде своей биографии, что им и было интересно. Зачем же ему врать, если он пишет Соне, а по сути самому себе!»

Соловьёв перебрал листы и понял, что прочитать не получится, сложил и уложил их в конверт. Он не заметил, что его старческие нечувствительные пальцы не нащупали еще одного сложенного листа в этом большом конверте.

Письма что-то подняли в его душе, что-то всколыхнули, и снова начало «трепыхаться» сердце. Он почувствовал, что ему надо отвлечься, встал из-за стола, подошёл к окну и подумал, что сегодня вечером будет встреча с ветеранами и наверняка будет интересно и торжественно, но ему почему-то стало грустно. Будут много говорить, много вспоминать, но он уже никого здесь не знает. И нельзя не пойти, раз уж прилетел в такую даль, и грело согласие начальника управления, разрешившего полистать старые дела...

Ради этого и приехал.

Он ухмыльнулся. «А оперок-то, Евгений Мальцев!.. Сколько времени он просидел в архиве... ради меня! – подумал Степан Фёдорович. – Только ради меня? А капитан Коити, а Сашик – агент Енисей – Александр Александрович фон Адельберг-младший! Соня, Вера, полковник Асакуса?.. Генерал! Нет, не только ради меня...»

Он вернулся к столу, достал очередное письмо, оно было написано уже не на случайных листках, невесть откуда вырванных, а на настоящей, хотя и пожелтевшей машинописной бумаге.

«Да! Наверное, его действительно перевели в канцелярию. Там свободы было больше, было не чем писать и куда прятать... хотя не спрятал. Нашли!»

Содержимое конверта удивило – иероглифический текст на прежние был не похож; несколько листов были исписаны в одну колонку, разбитую, как стихи, на строфы по пять или три, а то и по две строки. Он ещё порылся в конверте и вынул три листа перевода с поправками и перечеркиваниями переводчика, без обращения к кому-либо:

Лишь там, где опадает вишни цвет...

Это были стихи, их было много, Соловьёв не стал их читать, только обратил внимание на строчку:

«Сонечка, хорошая моя, отчего-то мне сегодня очень грустно...»

«Что-то произошло с капитаном, сыном самурая и внуком самурая?» – подумал Степан Фёдорович и дальше читал отрывочно:

«Какая грусть в безжизненном песке!

Шуршит, шуршит.

И всё течёт сквозь пальцы, когда сожмёшь в руке...

...Я помню, как после концерта Вертинского мы вышли из зала. Настроение у всех было как в его песенках. И тогда я прочитал тебе танка, вот эту: «Я красотой цветов...»

От этой строки что-то исходило, и появилась строка следующего стихотворения, и он дочитал до конца:

О смерти думаю всегда как о лекарстве,

Которое от мук освободит...
Ведь сердце так болит!..

Я ко всему готов, Соня».

Часть первая

Глава 1

Коити оглядел рабочий стол – на краю лежала стопка газет, и он тихо выругался.

– Коматта-нэ! Опять чуть не забыл! – Он посмотрел на календарь. – Уже 5-е, а я ещё ничего не прочитал.

Каждое утро дежурный по миссии раскладывал на столах сотрудников свежую харбинскую прессу. Коити приходил в миссию не каждый день, а только тогда, когда его туда вызывали или у него у самого возникала необходимость поработать с секретными документами, поэтому прочитать местные харбинские газеты он успевал не всегда. Но сегодня его вызвал заместитель начальника миссии, и Коити знал, что тот может поинтересоваться, насколько он осведомлен о том, что пишут в русских газетах.

Это были несколько номеров первых январских дней только что наступившего нового, 1938 года. Верхняя газета была уже сложена так, что главное в номере было готово к прочтению, и он пробежал глазами заголовки большой статьи:

«В 1938 году к новым рубежам».

«Кто автор? – подумал он. – Автор не указан, значит, передовая. И что тут?»

В кабинете было уже темно, и он пододвинул настольную лампу.

«Всякий раз, переступая порог нового года, человечество оглядывается назад и в опыте прошлого пытается...»

«Как скучно! – подумал он. – Так может начинаться любая передовая в любой газете!»

«...Эти поиски редко бывают успешны, но такова неистребимая потребность человеческой души через определённые отрезки времени подводить итоги своей деятельности... Завтра – это вчера, просочившееся в сегодня...»

«Ксо! – глядя на неровно бегущие чёрные строчки на желтоватой газетной бумаге, чертыхнулся Коити и подумал о том, как бы их прочитать, так чтобы и вовсе не читать. – Почему я о русских журналистах и вообще о пишущих людях этой нации всегда думал лучше?»

«...всякий, кто живёт сознательной жизнью, не может довольствоваться констатацией фактов и вправе желать знать, что его ждёт в будущем. Ушедший в небытие 1937 год оставил своему преемнику 1938-му тяжёлое и запутанное наследство...»

«Тяжёлое и запутанное наследство» тридцать восьмому! – повторил Коити. – Интересно, а какое он мог ещё оставить?»

«...Международная обстановка за этот год усложнилась до крайности... внутри ряда стран обострились социальные кризисы, грозящие нарушить гражданский мир...»

«Нарушить гражданский мир!» – подумал он. – А где они его нашли, этот «гражданский мир»? Половина земного шара готовится воевать, вторая половина готовится защищаться!»

В этот момент настольная лампа стала мигать и несколько раз была готова погаснуть совсем. Коити ударил кулаком по столу:

– Коматта-на! Лампочка перегорает или опять перебои на электростанции?

«...Год тому назад можно было убаюкивать себя надеждами на общее оздоровление мирового хозяйства, за которым обычно следует политическое умиротворение. Сейчас нет и этого утешения. За последние полгода в некоторых государствах экономический подъём сменился депрессией...»

«Нет, это читать невозможно!» – Он побежал глазами по строчкам, выхватывая лишь отдельные слова и куски предложений: «...промышленные темпы замедлились... идет затова-

ривание рынка... растёт армия безработных... рискованные опыты Рузвельта... полная неуверенность в завтрашнем дне и невозможность... завоевания Версаля...»

– О! – Он увидел, и его заинтересовало упоминание Версаля: «Это надо внимательно, про это полковник может спросить». И он вчитался: «...завоевания Версаля!.., пошли на блок с большевиками...» Ага, вот: «...Вхождение Москвы в Женеву санкционировало... союз государств, которые ведут теперь лицемерную войну за «мир и свободу», вкладывая каждое своё содержание в эти слова. При помощи Москвы и в надежде на неё Англия, Франция и Америка пытались сохранить незыблемыми основы Версальского мира, разделившего весь мир на побеждённых и победителей, бедных и богатых. Безумно было бы мечтать, что такое положение вещей продлится многие годы. В противовес красной агрессии Москвы и сытому эгоизму держав-победительниц рано или поздно должен был создаться блок государств, которые не могли примириться ни с идеологией московских бунтарей, ни с нежеланием богатых расстаться с частью своих приобретений. В истёкшем году блок таких государств уже оформился. Ниппон, Германия и Италия образовали тот «треугольник», на который с ненавистью смотрят в Москве и с нескрываемой тревогой – в Париже, Лондоне и НьюЙорке. Чем дальше, тем шире...»

«И правда, «чем дальше, тем шире». – Он вздохнул и усмехнулся журналистскому штампу, положил газету, и его заинтересовала собственная только что возникшая мысль: «Интересное это оружие – журналистика. Важно только то, в чьих руках оно оказалось, – эта винтовка или пистолет, а может быть, граната! – Он посмотрел название газеты – «Заря»! – Автор наверняка сам или его отец воевал за Антанту, за этот самый Версальский мир! Как всё быстро меняется!» – подумал он и снова побежал по строчкам: «...Оглядываясь на пройденный за этот год путь, проживающая на территории Маньчжоу-Го русская эмиграция с чувством удовлетворённой гордости может сказать, что многое в этом направлении ею уже сделано. Процесс консолидации зарубежных дальневосточных сил проходит чрезвычайно интенсивно и плодотворно...»

Коити посмотрел в конец статьи и прочитал завершающие строки: «...Что делать! Не ошибается, в конце концов, тот, кто ничего не делает. Но, спотыкаясь и падая, сбиваясь с дороги, зачастую идя неверными путями, русская дальневосточная эмиграция все же направляется к этой заветной цели, имя которой – Великая Россия».

– Оясуминасай! Молодцы! Доехали, наконец, и до «Великой России»! Ладно, перед полковником уже стыдно не будет! – Коити поискал глазами по странице. – Что дальше? Ага, Андрей Перелыгин! Новогодние стихи:

Новый год с двенадцатым ударом,
Сблизив стрелки, наступает он...
.....
Верить новогодним обольщениям...

«А лучше не верить! – подумал Коити и увидел следующую строчку. – Вот! Это интересно!»

...Эта ночь взаправду хороша!
Дорогая, погляди мне в очи,
Погляди, прижмись ко мне плечом!..
Жизнь промчится выстрела короче,
И под старость – все мы ни при чём!

– До старости ещё дожить надо, – сказал Коити вслух; он сидел и смотрел, что можно было бы ещё прочитать. – Сатовский-Ржевский! Его пожелания всем ближним на 1938 год!

«Земля закончила ещё один апоплексический оборот вокруг...»

– Какой-какой? «Апоплексический»? – повторил он то, что только что прочитал, и поднёс газету ближе к свету. – «Эллиптический»? Нет! – Он кинул газету на стол. – Я так больше не могу!..

Не успел он договорить, как зазвонил телефон, и он взялся за трубку:

– Моси-моси!

– Господин лейтенант, вас ждут! – В трубке была русская речь.

– Аллю! Да, извините, сейчас буду!

Через минуту лейтенант Коити Кэндзи осторожно постучал в высокую коричневую деревянную дверь заместителя начальника миссии.

– Входите!

Кэндзи открыл дверь и перешагнул порог.

– Присаживайтесь! – произнёс сидевший за письменным столом полковник.

Кэндзи прошёл на середину кабинета, поклонился висевшим на стене портретам Микадо и императора Маньчжоу-Го и сел в кожаное кресло, стоявшее напротив стола полковника Асакусы.

Асакуса перебирал лежавшие на столе документы.

Кэндзи уже знал его привычку не сразу начинать разговор и воспользовался паузой. Он с удовольствием, как это было уже не в первый раз, обвёл взглядом кабинет и стоявшую в нём мебель. Её было много, она была русская, большая, тяжёлая, громоздкая, но, что его всегда удивляло, удобная. Кроме письменного стола с ярким прямоугольником зелёного сукна, стоявшего у окна в дальнем правом углу, в кабинете вдоль всей левой стены были высокие, до потолка, книжные стеллажи. Между ними висела большая карта Маньчжурии, чаще всего задёрнутая шёлковой занавеской. В дальнем углу у другого окна стоял всегда накрытый европейским чайным сервизом низкий столик и рядом с ним два кресла.

Над головой Асакусы висели портреты императора Японии, императора Маньчжурии и государственный флаг Маньчжурской империи. Половина стены за спиной хозяина была закрыта длинной японской, крашенной чёрным лаком шести створчатой ширмой с перламутровой инкрустацией.

Не отрывая взгляда от бумаг, Асакуса спросил:

– Как продвигаются дела с Сорокиным?

– Никак, господин полковник!

– Почему? – Асакуса поднял глаза.

– Я получил дело на него две недели назад, ещё до Нового года, и планировал встречу в конце этой недели до их Рождества. Но вот уже неделю он шатается, прошу прощения, по притонам в Фуцзяняне, пьёт и кричит, что «мы победим Советы и принесём в Россию победу на японских штыках!». Думаю, до крещенских праздников он не остановится. Трезвый, когда с ним можно разговаривать, бывает крайне редко.

– Значит, вы с ним пока не познакомились?

– Нет, господин полковник, я подумал, что в такой ситуации трудно даже предположить, что может из этого получиться, и решил подождать, пока он придёт в себя, планировал...

– Понятно, после их Крещения, – задумчиво сказал Асакуса. – Может, оно и к лучшему, что не познакомились!.. А пить они не умеют!

Кэндзи удивлённо посмотрел на своего начальника, он везде слышал как раз обратное. Асакуса перехватил его взгляд:

– А вам, видимо, говорили, что пить русские умеют? – Он покрутил пальцами бамбуковую кисточку для письма и уложил её поверх тушечницы. – Пить можно, когда хорошо или чтобы было хорошо. А они пьют, когда плохо, – а это плохо. Хотя, с другой стороны, им больше

ничего не остаётся. На чужбине хорошо жить и пить, когда твоя родина, как у нас с вами, – с тобой, а не против тебя.

Асакуса встал из кресла и, опираясь на катану, начал выходить из-за стола.

«Вот это катана!» – в который раз восхищённо подумал Кэндзи и тоже встал, но полковник молча махнул рукой, усаживая его на место.

О полковнике Асакусе говорили разное, особенно русские сотрудники миссии. Кэндзи знал, что он начинал поручиком японских оккупационных войск в начале двадцатых на Дальнем Востоке, где-то под Читой или под Владивостоком. Он удивлял Кэндзи: чаще всего он был молчалив и холоден, а иной раз, по непонятным причинам, вдруг становился мягким и казался доверчивым. Это никак не сочеталось с его внешностью, биографией и древней катаной, которой было не менее лет ста пятидесяти и которая служила, наверное, ещё деду полковника, а может быть, и прадеду.

– Ладно, на Сорокина мы больше не будем тратить времени, сдайте материалы в секретную канцелярию, мы передадим его Номуре. Пусть поработает на жандармерию. У меня для вас, господин лейтенант, – Кэндзи снова встал, но Асакуса опять усадил его на место, – есть другой объект.

Кэндзи, стараясь этого не показывать, вздохнул с облегчением, ему очень не хотелось встречаться с Сорокиным и пить с ним водку «в связи с оперативной необходимостью». Почему-то это напоминало ему детство, когда крестьяне на праздники напивались сакэ.

– Тем более если Сорокин, – продолжил полковник, – и дальше будет так пить, то скоро даст дуба. – Последние слова Асакуса произнес по-русски. – Вы знаете, молодой человек, что такое «дать дуба»?

Кэндзи не знал, что такое «дать дуба», хотя что-то помнил из университетского курса, он не очень вдумывался в смысл этого выражения, его только удивляло – какую роль тут играет дуб.

– Так вот, господин лейтенант! «Дать дуба» обозначает – умереть. В раннем Средневековье, во времена Киевской Руси, славяне хоронили, хотя на самом деле они своих умерших сжигали или подвешивали на деревьях в гробах, сделанных из целого куска дубового ствола, поэтому – «дать дуба». А сейчас у них это называется «сыграть в ящик».

Кэндзи принял слова Асакусы как замечание по поводу его русского языка и сидел притихший.

– Не млейте, молодой человек, вы же не гимназистка, – усмехнулся Асакуса и продолжал по-русски. – Вы ещё многого не знаете. Да вам и не срок!

У Асакусы было безукоризненное русское произношение, он даже спокойно выговаривал русскую букву «л». Кэндзи тоже был доволен своим произношением, но он не знал столько слов, выражений и поговорок, сколько знал полковник.

– Так вот, господин Коити. – При этих словах Кэндзи встал и поклонился. – Я давно к вам присматриваюсь – все эти пять с половиной месяцев, когда вы только приехали в Харбин. Должен сказать, что пока вы производите хорошее впечатление.

Кэндзи ещё раз встал и снова поклонился полковнику.

– Сорокин – это так – тренировка была бы! Но он нам не нужен. Вы про него всё правильно сказали, это проверено, поэтому и отдадим его Номуре.

«Проверено!» – отметил про себя Кэндзи.

– Мы тут, – медленно разворачиваясь на каблуках, произнёс Асакуса, – давно ведём одно дело. Думаю, вам кое-что уже можно доверить. – Он не глядел на Коити и, стараясь не хромать и опираясь на катану, прохаживался по кабинету. – Нам нужен свежий человек из русских. Есть один – ваш сверстник, он с вами даже родился в один день. Из очень серьёзной семьи! – Несколько секунд Асакуса молчал. – Есть, правда, и проблема! Он здешний, харбинский и

в России никогда не был. Впрочем, вы, по-моему, с ним знакомы, это барон Александр фон Адельберг-младший. Вы его внесли в список приобретённых вами в Харбине связей.

Кэндзи сразу откликнулся:

– Да, он очень приметный среди русской молодёжи...

– Продолжим разговор по-русски? – Асакуса улыбнулся.

– Как вам будет угодно, господин полковник.

– Хорошо! В Хабаровске, в штабе округа, есть у нас один очень ценный источник.

– Да, я слышал, – непроизвольно сказал Кэндзи.

– Как – слышали? – Асакуса остановился и переложил катану из левой руки в правую. –

Что вы слышали? – Он перестал улыбаться. – Вы не ошибаетесь?

Кэндзи насторожился.

– Ну не то чтобы слышал, но так, какие-то слухи по миссии ходят.

– М-да! – после длинной паузы произнёс полковник. – Значит, нам надо поставить «неуд».

Кэндзи посмотрел на начальника.

– «Неуд», господин лейтенант, – это «неудовлетворительно», в России это плохая оценка. – Асакуса был раздражён и не скрывал этого. – Надо заново перетряхнуть весь русский состав миссии. Значит, где-то есть утечка!

Кэндзи понял, что чем-то очень огорчил полковника, но при этом подумал: «Если я слышал об этом, значит, и он должен об этом знать! Если это так уж секретно!»

– Больше я вам пока ничего не скажу. Возьмите вот это дело и внимательно его изучите, а потом мы с вами обсудим дальнейшие шаги, а может быть, и перспективы. – Полковник сдвинул на ближний к Кэндзи край стола толстую папку. – Можете быть свободны! Работать будете в секретной комнате, материалы получать у меня и сдавать мне же! И прочитайте новогоднее приветствие атамана Семёнова и харбинского архиепископа Мелетия.

Через несколько минут Кэндзи стоял перед дверью секретной комнаты; пока он шёл сюда, в голову пришла мысль, что больше он никаких газетных приветствий читать не будет – всё одинаковое и не имеет смысла.

Часовой закинул тяжёлый карабин поглубже за спину и большим ключом открыл железную дверь, как её называли русские сотрудники миссии, «секретки». Кэндзи зашёл в тёмное помещение без окон, нащарил выключатель и зажёл свет. Посередине небольшой, с мрачными стенами комнаты стоял массивный деревянный письменный стол, на котором была настольная лампа со стеклянным абажуром, рядом стоял стул; больше в «секретке» ничего не было, даже сейфа. По правилам её можно было покинуть только с принесёнными материалами, и даже о табаке и туалете можно было только мечтать.

Кэндзи сел, включил лампу и услышал, как дверь звякнула снаружи железным замком.

В папке были аккуратно подшитые печатные и написанные от руки бумаги на русском, китайском и японском языках, пакеты с фотографическими карточками. На картонной обложке была надпись крупными иероглифами – «Семья». Кэндзи начал листать бумаги, в основном это были агентурные сообщения от разных источников, японцев, китайцев, много сообщений было от русских.

«Всё читать подряд! Да я тут умру, в этой «секретке». Надо найти что-нибудь обобщающее».

Чтение заняло много времени, однако какие-то донесения уже начали привлекать внимание, он их читал и делал пометки в рабочей тетради.

В деле было много фотографий, на студийных люди сидели или стояли в позах и не смотрели в глазок аппарата, это когда фотограф хотел придать объектам съёмки философский, романтический или просто задумчивый вид. Были видовые фото, снятые на берегу реки,

видимо Сунгари, или в городе, напротив красивых, уже знакомых Кэндзи зданий. На таких снимках, как правило, были компании русской молодёжи, отдыхающей, выпивающей или позирующей.

Были ещё снимки немного странные. Глядя на них, складывалось впечатление, что они были сделаны второпях, на бегу или как бы «на лету». Люди на них не позировали, не застывали в ожидании «птички», скорее всего, они даже не знали, что их снимают.

«Оперативная съёмка, – догадался он. – А это что?»

Он взял в руки фотографическую карточку на толстом картоне с виньеткой известной харбинской фотостудии.

На фотографии была, судя по всему, изображена семья: мужчина в визитке сидит в кресле, рядом стоит молодая красивая дама, вероятно его жена, она облокотилась на высокую спинку кресла правой рукой; и маленький мальчик. Он стоял перед матерью, слева от отца. Кэндзи повернул снимок и на обратной стороне увидел крупные, написанные чёрной тушью, такие же, как на папке, иероглифы – «Семья». Ближе к нижнему обрезу была другая надпись, уже по-русски – «Адельберг А.П., Адельберг-Радецкая А.К., Адельберг А.А.».

«Как всё нехитро, – подумал Кэндзи, крутя фотографию и рассматривая то изображение, то надписи. – Вот она – «Семья», и вот она – семья. А это, судя по всему, фон Адельберг-младший, Александр, или, как его называют, Сашик. Интересно, какой год съёмки?» Кэндзи стал внимательно рассматривать надписи: «Это реклама... это название студии, по-английски... Хозяин... Ага, кажется, вот!» Под виньеткой с рекламой и адресом мелко значилось: «Харбин. 1921 год».

«Так, значит, тут Сашику лет шесть или семь. Полковник сказал, что он со мной родился в один день. По их календарю – это 20 июня 1915 года. Тогда здесь он совсем малыш, лет шести; вполне симпатичный кодомо».

Сашик – Александр Александрович фон Адельберг-младший был ему знаком. Он был вожаком большой компании русской молодёжи, харбинской, почти что богемы; молодые люди и девушки из этой компании были выходцами из известных харбинских семей, выпускники и студенты харбинских институтов: поэты, музыканты, художники, спортсмены, а девушки были самые красивые в Харбине. Чего стоила одна Соня Ларсен.

Глава 2

– Я изучил материалы на «Семью», господин полковник. Что прикажете делать? – доложил Кэндзи и положил папку на стол.

Асакуса посмотрел на календарь:

– Сегодня 7-е, пятница, довольно быстро!

Полковник сложил в стопку и отодвинул лежащие перед ним бумаги.

– Для продолжения дела по Хабаровску нам нужен, как я уже говорил, подходящий человек из русских.

– Он будет вербовать?

– Нет! Вербовать будем мы. Он должен дать нам несколько стоящих наводок. Дело в том, господин Коити, что в прошлом году Сталин провел широкомасштабную кампанию политических чисток, много людей, в том числе и функционеров высокого уровня, исчезли, пропали, многие расстреляны. В это время мы потеряли связь с нашим источником в штабе ОКДВА. Знаете, что такое ОКДВА?

– Да, это Особая Краснознаменная Дальневосточная армия.

– Хорошо! Ставлю вам «уд», то есть «удовлетворительно». Так вот, наш источник в Хабаровске, назовем его Большой корреспондент, является, или являлся, сотрудником отдела кадров штаба армии. От него мы получали серьезную документальную информацию о возможностях Красной армии, новых вооружениях, направлениях развития инженерного и фортификационного дела, оборудовании укрепленных районов на границе и так далее. Связь осуществлялась через коридор Благовещенск – Сахалин. Туда из Хабаровска от Большого корреспондента приезжал его доверенный, наш агент Старик. Он пересекал границу по официальному каналу как работник Дальгосторга и передавал информацию нашим коллегам из Сахалинской военной миссии. Восемь месяцев назад на обусловленную явку он не прибыл. Наши люди доложили, что Дальгосторг тоже подвергся чистке. Старик остался цел, однако его настоящее положение до сегодняшнего времени нам неизвестно. Не исключено, что он утратил возможность пересекать границу.

– А может, его тоже арестовали или расстреляли?

– Нет, в том-то и дело – наши люди видели его в городе.

– Почему не заинтересовались...

– Мы запретили подходить к нему даже близко, они могли быть под наблюдением НКВД, и тогда – провал, а рисковать Стариком и Корреспондентом мы не имеем права.

– А кого-то направить к Корреспонденту, кроме Старика?

– Он, к сожалению, нам недоступен, это было его главным условием – связь только через Старика. Он очень осторожен, их военная контрразведка работает неплохо. А сам Корреспондент из бывших, то есть из царских офицеров, как это у них называется – красный военспец, а за этой категорией особый контроль. Он в карты проиграл довольно внушительную сумму казенных денег и начал работать с нами, мы его фактически спасли.

Кэндзи внимательно слушал эту непривычно длинную речь и неожиданно спросил:

– Значит, самого Корреспондента никто из наших не видел? А может, его и нет?

Асакуса удивленно посмотрел на лейтенанта и замолчал, через несколько минут он сказал:

– Это вы, наверное, слишком. Мы об этом думали, но информация, которую он нам передавал, подтверждалась из других источников, поэтому сомнения в его реальности отпали. Сейчас задача – восстановить с ним связь и со Стариком. Это главное. Этого ждёт Токио, господин лейтенант! Кстати, как у вас с прикрытием?

– Всё согласно моему рапорту. С начала учебного года я преподаю в японско-русском институте. Там учится много русских, есть китайцы и японцы. Преподавание позволяет интересоваться чем угодно и не вызывает подозрений, тем более что я в их стране ни разу не был...

Асакуса одобрительно кивнул.

– ...хотя и они, многие, тоже на родине не были или были привезены оттуда совсем маленькими, но я заметил, что даже двое русских – это уже целая Россия.

Коити замолчал и посмотрел на полковника.

– Продолжайте! – попросил Асакуса.

– Они говорят только об этом или о чём-то сопутствующем. И что интересно, постоянно спорят: что было бы, если бы было так или не так! Спорят до хрипоты, почти до драки. Среди них, господин полковник, интересно находиться, они, как глухари на току, даже забывают, что я не их, говорят всё, что на душе лежит. Видимо, заряжаются от родителей, которые Россию – ту Россию – помнят хорошо. Но это к слову, извините. Для установления нужных контактов хочу посетить литературный кружок имени поэта «КР», бывшая «Чураевка».

– Вас приглашали? Кстати, «Чураевка» – это совсем не то же самое, что «КР», а знаете, как расшифровывается «КР»?

Кэндзи отрицательно мотнул головой.

– «КР» – это поэтическое общество его высочества великого князя Константина Романова и с «Чураевкой» никак не связано.

Кэндзи понимающе кивнул.

– Так вот, если не приглашали, то вы там будете не совсем к месту. Но продолжайте! Мы ещё об этом подумаем.

– Мне это показалось возможным потому, что я неплохо знаю русскую поэзию.

– Конечно, конечно! Вы же окончили университет «Васэда»?

– Да, у Варвары Дмитриевны Бубновой.

– Слышал о ней! А поэтическое общество «Чураевка» прекратило свою деятельность, там действительно когда-то была обстановка, я бы сказал, очень свободная, для своих, но почти все чураевцы разъехались, «КР», правда, осталось, тут вы правы.

– Здесь Ачаир, организатор и их учитель, он в Харбине.

– Я знаю! Знаком с ним, к сожалению, только заочно. Но он нам, насколько я понимаю, и не нужен.

– Конечно, хоть и бывший царский офицер, но человек далёкий от политики. Я думал, что я смог бы там обзавестись хорошими и полезными для нас связями. Однако я учту ваше замечание, хотя, впрочем, Адельберг там бывает довольно редко, он в основном увлекается американским джазом, играет на трубе...

Кэндзи сказал об этом и тут же пожалел: во-первых, ему нужно было разрешение на посещение кружка, но вовсе не из-за Адельберга... а во-вторых, при упоминании слова «американский» Асакуса сошёл с лица, оно у него заострилось и посерело, он было открыл рот, чтобы сказать что-то гневное, но Кэндзи его опередил:

– Извините, господин полковник, я хотел сказать «англосаксонский». Понимаете, я уже привык общаться с русскими, а они, когда говорят между собой, не стесняются. Они вне политики, то есть вне нашей политики.

– Это и плохо. – Полковник немного успокоился. – Япония и Белое движение должны освободить Россию от коммунистов. То есть они должны думать, что мы поможем освободить и вернуть им их родину... а весь мир от американского засилья.

«Пронесло!» – подумал Кэндзи, но всё-таки сказал:

– На самом деле русские так думают не все, это правда.

– Я знаю. Подумайте, как можно сойтись с Адельбергом поближе, но без поэтического общества. И вот вам материалы на Большого корреспондента.

После того как Кэндзи простился с начальником, он пошёл, почти побежал в «секретку». Ему хотелось буквально накинуться на материалы по Большому корреспонденту, но после разговора с Асакусой из головы уже не выходила мысль об Адельберге – стало понятно, что контакт надо будет устанавливать именно с ним. Кэндзи это понравилось, потому что Адельберг вызывал хорошую человеческую симпатию, но самую большую симпатию вызывала его знакомая – Соня Ларсен, а именно она была членом поэтического кружка поэта «КР». Она была красива, умна и грациозна, всё-таки поэтесса и танцовщица, и он почему-то всё время о ней думал. И даже сейчас, пока ему открывали «секретку», пока он устраивался за столом, пока листал дело...

Они познакомились случайно два года назад на концерте русского певца Александра Вертинского, гастролировавшего в Харбине. У Коити Кэндзи уже заканчивалась стажировка, и в один из последних дней он пошёл на концерт. Тогда, в антракте, после выступления Вертинского, Кэндзи, стоя со стаканом фруктовой воды у буфетной стойки, задумался и не заметил, что сам себе под нос он тихо напевает что-то из того, что только что слышал со сцены, что-то про «китайчонка Ли», и в это время кто-то за его спиной произнёс: «Недурно!» Он даже не подумал, что речь может идти о нём, повернулся и увидел перед собой высокого молодого брюнета и красивую русскую девушку, которая смотрела на него, улыбалась и напевала ту же мелодию...

Глава 3

Кэндзи сидел в кабинете своего начальника. На столе у Асакусы лежали два дела: «Семья» и «Большой корреспондент».

Он ткнул пальцем в первое и спросил:

– Что вы об этом думаете?

Кэндзи молчал не больше секунды.

– Я изучил материалы, но неясна задача, поэтому не очень понятно, в какую сторону надо его, это дело, развивать.

– Правильно думаете, правильно! А всё-таки? В какую сторону развивали бы это дело вы? – Асакуса, как колоду карт, перебирал в руках пачку фотографических снимков из дела «Семья».

– Господин полковник, – Кэндзи подобрался и сосредоточился, – я думаю, что полковник фон Адельберг был бы интересным собеседником для человека постарше, чем я, и в другом звании.

Асакуса согласно кивнул.

– Моим объектом, как мы в прошлый раз говорили, может быть или Адельберг-младший, или кто-то из его окружения. У нас схожи и возраст, и некоторые интересы, но думаю, что это ещё предстоит выяснить.

– Хорошо!

– Но здесь у меня есть одна сложность...

– Вам необходима сформулированная задача, если я вас правильно понимаю.

– Да, господин полковник.

Асакуса встал из-за стола и подошёл к карте, он отдернул занавеску и тонкой бамбуковой указкой показал на характерное стреловидное очертание границы СССР в том месте, где Уссури под острым углом впадает в Амур.

– Вот задача!

Асакуса положил указку и вернулся к письменному столу.

В принципе всё, что он хотел, он мог изложить своему подчинённому в нескольких коротких фразах, отдать приказ и дожидаться исполнения. Но ему требовалось другое, ему хотелось с этим явно неглупым молодым офицером немного порассуждать, послушать, как рассуждает он, понять, насколько он способен фантазировать на такие непростые темы, как, например, эта операция. А эта операция представлялась совсем не простой, и от её исхода зависело многое, в том числе и их карьера, обоих.

Уже несколько месяцев из русского отдела управления штаба Квантунской армии слали строгие указания относительно отсутствия информации от Большого корреспондента. Однако жив ли он, репрессирован, служит ли ещё в штабе Дальневосточной армии, можно ли с ним восстановить связь и получать информацию, очень высоко оценённую в Токио, было неизвестно. На эти вопросы ответов не было.

– Давайте, лейтенант, коротко повторим суть материалов, – предложил полковник. – Дело «Большой корреспондент» велось сначала Сахалинской военной миссией, а потом перешло под прямой контроль Харбинской, с 1930 года. Тогда наш агент, вы уже знаете о нём – Старик, принёс первое сообщение о некоем Горелове, офицере штаба ОКДВА. Тогда же и начал бесперебойно работать информационный канал Хабаровск – Благовещенск – Сахалин – Харбин. Но всё закончилось внезапно, в тридцать седьмом, когда Сталин, как вам известно, провёл чистку своих политических и военных кадров. Из нашего поля зрения одновременно исчезли и Старик, и Горелов.

Кэндзи слушал, всё это ему было известно из материалов Большого корреспондента, он смотрел на своего начальника – то, что речь шла о Хабаровске, ему было ясно из их предыдущих разговоров, но что необходимо делать? И Асакуса закончил:

– Вот вам и задача!

В кабинете стало тихо.

Возникшая пауза была на руку Кэндзи, и, чтобы собраться с мыслями, он попросил разрешения подойти к карте. Он хорошо знал географию, но нужно было спокойно подумать. Он понимал, что интерес Генерального штаба императорской армии к этому агенту делает задачу крайне важной и сейчас, в разговоре со своим начальником, ошибиться нельзя.

Он прибыл на службу в Харбин не так давно, летом 1937 года, когда окончил университет. Штат Императорской японской военной миссии в Харбине постоянно увеличивался, прибывала молодёжь из потомственных военных, как правило выпускников русского отделения Токийского института иностранных языков. Многие из маститых японских разведчиков, работавших в Маньчжурии, тоже были выпускниками этого института, среди них был и полковник Асакуса. Между ними сложилось некое братство, они поддерживали друг друга и, конечно, помогали друг другу продвигаться по службе. Кэндзи был единственным выпускником токийского университета «Васэда». Кроме того, он лучше многих, практически лучше всех, кроме Асакусы, знал русский язык. Коллеги завидовали, и это делало его положение уязвимым. Предлагая «подумать над делом Большого корреспондента, Асакуса давал ему шанс. Это радовало, но одновременно ставило в трудное положение – если он не справится, его карьера покатится по наклонной вниз. Это было невозможно – стать позором семьи сыну самурая, внуку и правнуку самурая. Корни его семьи уходили в глубокую древность.

Кэндзи недолго задержался у карты; он был хорошо готов к разговору.

– Господин полковник, позвольте я начну несколько с другого.

Асакуса кивнул.

– Судя по тому, что вы мне рассказали и я прочитал, никто из нашей агентуры, кроме Старика, не видел Корреспондента собственными глазами. Это первое. Второе. Они пропали одновременно. Пропал Старик, пропал и Корреспондент, и за прошедшие полгода, а может быть, и больше, сам Корреспондент сигнала о себе не подавал, хотя, насколько я понимаю, контакт с нами был для него выгодным, и он мог привыкнуть жить на наши деньги. Может быть, он уже готов к возобновлению с нами контакта, может быть, собирается покинуть Советы и перейти границу! Почему бы ему не оказаться у нас, в Маньчжурии? В этом случае он должен как-то подготовиться! То есть не исключено, что в данных условиях он, может быть, уже готов общаться с нами напрямую, без посредства Старика. Прошу прощения, я говорю слишком сумбурно...

– Ничего, я вас понимаю, и если подытожить, то у вас есть сомнения в том, что Корреспондент действительно существует, так?

– Я хочу сказать, что нам следовало бы убедиться в том, что такой человек есть. И если это так, то он ещё жив и способен с нами сотрудничать.

Кэндзи ненадолго умолк, но Асакуса попросил его:

– Продолжайте!

– Я понимаю, господин полковник, наверное, я говорю что-то крамольное, но это действительно приходит мне в голову. Токио останется очень недовольным, если окажется, что семь лет мы получали секретные материалы от агента, которого в реальной жизни не существовало.

– К чему вы клоните, господин лейтенант?

– К тому, что на первоначальном этапе в планировании наших действий надо сделать акцент на установление факта существования Корреспондента. И если это подтвердится, вывести на него нашего надёжного связника, а может быть, даже и нашего офицера под соответ-

ствующим прикрытием. – Коити секунду помолчал, в качестве этого офицера он уже мечтал оказаться сам. – И восстановить связь со Стариком.

– Азбука разведки, дальше!

– Здесь сами Адельберги вряд ли могут быть нам полезными, поскольку из дела не видно, что у них в Хабаровске есть кто-то из родственников или близких друзей. Однако они люди в Харбине авторитетные, в том числе и Александр-младший, естественно, – среди молодежи. Видимо, есть смысл установить с ним близкий, «дружеский» контакт и изучить его окружение. В принципе в наших целях можно было бы использовать любого из эмигрантов, у кого есть связи в Хабаровске или где-нибудь поблизости, но Адельберги, если я правильно понимаю, далеки от всех белоэмигрантских партий, борющихся против Советской России. Они нейтральны, это может оказаться нам на руку. Поэтому необходимо завербовать его самого, то есть младшего, а через него или с его помощью завербовать того, кто нам окажется нужен...

– А кто нам может оказаться нужен?

– Тот, у кого в Хабаровске есть близкие родственники или друзья.

– А не слишком долго?

– Зато надежно! Как прямой удар «Цки»!

Асакуса посмотрел на Кэндзи:

– Вы владеете «искусством меча»?

Кэндзи потупил глаза и крепко сжал кулаки, он не входил в помещение миссии в военной форме, поэтому не мог сжать рукоятку своей катаны, доставшейся ему от деда, а тому от прадеда.

– Хорошо, господин лейтенант, – задумчиво произнёс Асакуса. – Как вариант можно попробовать. Сколько вам потребуется времени, чтобы изучить окружение Адельберга-младшего?

– Я думаю, господин полковник, что с ним сначала надо поближе познакомиться.

– Через месяц, нет, через две недели жду от вас доклада. Что вам нужно? Чем могу помочь?

– На этот срок мне нужно будет наружное наблюдение.

– Получите!

– Усиленную бригаду!

Асакуса хмыкнул:

– Обычную! Вы же будете следить не за профессиональным разведчиком, – сказал он и посмотрел на стол. – Так, сегодня пятница, 7 января, вот с понедельника, с 10-го, и начнёте.

На этом разговор мог быть окончен.

– Кстати! – Асакуса вдруг остановил уже откланявшегося Кэндзи. – Есть информация о том, что Адельберг-младший серьёзно разошёлся во мнениях с Родзаевским.

– Этого в деле нет! – невольно вырвалось у Кэндзи. – А по какой причине?

Асакуса промолчал.

– Господин полковник! – Кэндзи задумался. – Во-первых! – Он снова задумался. – Нет! Это не то. А от кого информация? От нашего источника?

– Да! Свежая...

– Ну тогда это лишний раз подтверждает нейтральный статус их семьи!

Асакуса отпустил лейтенанта и снова подошёл к карте.

«Во-первых»! А где «во-вторых»? Но надо отдать ему должное – молодой человек в целом мыслит неплохо. Немного сбивчив, но это ничего. Главное – он мне понятен».

Глава 4

Кэндзи зябко поежился и зарылся подбородком в заиндевевший меховой воротник зимнего пальто. Он надвинул поглубже шапку, но и это не помогло. От холода окна внутри машины покрывались инеем, Кэндзи пытался протирать их грубым наружным швом кожаной перчатки, но через несколько минут очищенное стекло снова замерзло, и тогда становилось ещё холоднее.

Он сидел в машине и думал, что мог бы руководить бригадой наружного наблюдения из хорошо натопленной конспиративной квартиры и не мёрзнуть; Асакуса дал ему хорошую бригаду филёров, и они вполне профессионально отслеживали каждый шаг младшего Адельберга, однако Кэндзи ещё в самом начале решил, что он должен испытать на себе все тяготы работы в разведке, поэтому хотел всё видеть своими глазами; то же ему посоветовал полковник Асакуса.

Город постепенно освещался зимним рассветом; в сухой красноватой морозной дымке уже становился различим острый шатёр Свято-Николаевского собора; появлялись и исчезали маленькие чёрные и изогнутые, как мазок кисти, закутанные в тёплое редкие на ещё не проснувшихся улицах люди.

Вот уже две недели лейтенант Харбинской ЯВМ Коити Кэндзи и его филёры следили за младшим Адельбергом. Информации о нём накопилось и много и мало. Много, потому что Адельберг оказался человеком активным, общительным и в городе его многие знали, а мало, потому что эта информация большой оперативной ценности не имела. Он жил обычной жизнью, жизнью этого города, с самого своего основания абсолютно свободного в быте и нравах, наполненного предпринимательством, искусством, наукой, культурой и политикой. Со стороны могло показаться, что Харбин вообще располагался на какой-то отдельной планете, без войн, революций, восстаний и других потрясений. Харбинцы ели, спали, ходили на работу, мирно выпивали и курили в многочисленных кафе и ресторанах и ни с кем особо не конфликтовали; их дети учились в гимназиях, праздновали Рождество и Пасху и смотрели американское кино.

В Харбине мирно слились две нации – русские и китайцы. К русским примыкали украинцы, татары, грузины, армяне, евреи, литовцы, латыши, эстонцы, а китайцев было просто очень много. Для русских весь Восток был на одно лицо: что китайцы, что корейцы, а для китайцев, кроме них самих, все были русские. Особняком жили только японцы.

Когда сорок лет назад русские инженеры планировали Харбин, они выстроили его центральную улицу – Большой проспект – по длинной плоской возвышенности, протянувшейся на несколько километров параллельно основной магистрали – КВЖД. Улицы, расположенные поперёк проспекта, спускались с одной стороны к вокзалу и железной дороге, а с другой – к мелкой и извилистой речке Мацзягоу. Этот район назывался Новый город, и Адельберги жили в самом его центре на улице под названием Разъезжая.

За прошедшие две недели Кэндзи выяснил, что в рабочие дни, рано утром, примерно в одно и то же время, Адельберг выходит из своего дома, несколько десятков метров поднимается по Разъезжей на Большой проспект, поворачивает направо, пересекает Соборную площадь и доходит до пересечения с улицей Новоторговой. Возле большого универсального магазина известной на весь Дальний Восток русской торговой фирмы «Чурин и К°» он садится в городской автобус и за гривенник едет через виадук на Пристань. Там он выходит на пересечении улиц Диагональной и Участковой, где после оккупации поселилось много богатых японцев, и идёт на работу в японскую транспортную контору.

С того момента, когда Адельберг пересекал порог конторы, наружное наблюдение можно было снимать, потому что он не покидал её до самого окончания рабочего дня.

Вечером было интереснее – если Адельберг сразу не ехал домой, то заходил с друзьями в кафе, иной раз его можно было довести до какого-нибудь спортивного зала. Однажды, буквально в первый день, когда за Адельбергом было поставлено наблюдение, он встретился с уже знакомой Кэндзи Соней Ларсен. Они поехали на вокзал, и там он посадил Соню в шанхайский поезд.

Кэндзи скрупулёзно отрабатывал все связи Адельберга, он бы и сам «потопал» и с любопытством посмотрел на тех, с кем тот встречается, но это было невозможно, потому что помимо выявления связей ему предстояло личное внедрение, поэтому «расшифроваться» было нельзя.

Он ёжился в промороженной машине и ждал появления Сашика.

«Чёрт бы побрал этих японцев! Зачем они начинают работать так рано? Шесть утра! Самый холод!» – думал Кэндзи и, пытаясь согреться, поколачивал себя кулаками по коленям.

Погода была ясная, Кэндзи видел, как солнце начало высываться из-за горизонта, тихий утренний ветер пугал поднимающиеся из труб печные дымы, и белёсо-розовая дымка ложилась на располагавшуюся ниже Нового города Пристань. Городской район Пристань находился по ту сторону железной дороги, сзади от вокзала, и простирался до самой Сунгари. Эту харбинскую погоду, когда утром почти не было ветра и стоял крепкий мороз, Кэндзи называл «стеклянным холодом».

Сегодня – понедельник, 24 января 1938 года – был последний день из отведённых ему для наблюдения двух недель. Итоги Кэндзи не радовали, зацепиться было не за что. То, что сегодня был последний день, Кэндзи очень огорчало, и он терпеливо ждал, когда Сашик выйдет из дома.

«Ничего, ничего! – подумал он с надеждой. – Как они говорят: «Бог не выдаст – свинья не съест!»

Глава 5

Сашик стоял на Китайской улице рядом с дверями известного в Харбине кафе «Марс», расположенного в доме харбинского старожилы – грузинского миллионера Хаиндравы; холод сумерек пронизывал до костей; он замёрз ещё на работе – японцы, хозяева транспортной конторы, были экономными и сами, казалось, не чувствовали холода, поэтому топили печи почти символически. А вчера было воскресенье, и они их не топили целый день.

В общем, он выдерживал этот холод, но, когда десять минут назад вышел на улицу и пешком прошагал несколько кварталов от Участковой до Китайской, стало неважно. Он мог зайти в кафе и там согреться, но они с Соней, когда он провожал её в Шанхай, договорились встретиться здесь, на этом углу, поэтому приходилось терпеть.

Народ густой толпой валил в обе стороны по тротуару, здесь так с утра и до вечера, поэтому Пристань всегда вызывала ощущение весёлого живого муравейника, а особенно центральная улица – Китайская. Она была прямая как стрела и ответвлялась под острым углом от самой длинной улицы этого городского района – Диагональной. На Китайской располагались самые известные и популярные харбинские кафе, рестораны, кинотеатры, клубы, магазины и лавки, салоны модисток и даже городская тюрьма. По проезжей части катили автомобили и автобусы, русские извозчики, бежали китайские рикши.

Ветер иногда резко падал сверху и сбрасывал с крыши вперемешку с дымом сухую, колючую снежную пыль. От снега пахло свежестью, от дыма – угольной гарью; и по всей улице разносились запахи кондитерских, китайских и русских питейных заведений; с лотков разносчиков веяло то горячими пирогами, то жареными орешками или ещё чем-то, и всегда вкусно.

Кто-то тронул его за плечо, и он обернулся – это была Соня!

– Давно ждёте, «мистер» Саша? Замерзли? У вас нос – красный! – Сонины глаза блестели, она подхватила его под руку, и они быстрым шагом, почти бегом, направились к ступенькам кафе «Марс».

Мест в зале практически не было, однако расторопные кельнерши в крахмальных передниках и белых наколках разглядели озябшего молодого человека и очень красивую, розовощёкую с мороза девушку и нашли им маленький столик.

– Что тебе заказать?

– Горячий шоколад!

Горячий шоколад быстро согрел, Соня принялась рассказывать о Шанхае. Было видно, что после Харбина, в котором она тоже, как и Сашик, провела всё своё детство и юность, Шанхай её потряс. Она рассказывала о широких проспектах, о французской концессии и международном селтльменте, о русских, которые там жили, о дансклубах, джазе, индусах-полицейских, богатых англичанах и американцах, о пальмах и зимних дождях, которые оказались хуже харбинских морозов. Это потрясло Сашика, он слушал сначала с интересом, а потом почему-то с грустью и совсем расстроился, когда Соня сказала ему, что её мать хочет, чтобы её родственники забрали Соню и её младшую сестру Веру к себе в Шанхай.

– Ну почему ты расстроился? А как твои дела с фашистами? – без всякого перехода спросила Соня. – Ну не в Хабаровск же мне ехать, – недоумённо сказала она, огорчённая его грустным видом.

– А при чём тут Хабаровск? – спросил Сашик.

– При том, что у меня там тётка живет. Ну, может быть, не тоже, в Шанхае у мамы то ли дальние родственники, то ли близкие друзья, почти как родственники, я так и не разобралась, а в Хабаровске точно тётка, мамина родная сестра, недавно от неё весточку получили.

Последнюю фразу Сашик из-за гула в зале почти не расслышал, да и какой-то здоровенный дядька в котелке, с длинными стеклянными с мороза усами задел его, протискиваясь в сторону кухни.

* * *

Утром, после того как Адельберг поехал на работу, Кэндзи оставил его под наблюдением бригады, уехал в миссию и стал в «секретке» ещё и ещё раз перечитывать документы. Поздно вечером к нему в дверь постучали, и дежурный сказал, что его зовут к телефону. Кэндзи спустился к дежурному, посмотрел на часы, было начало десятого, это означало, что смена заканчивала наблюдение и хотела об этом доложить. За весь день не поступило никаких сведений, то есть за отведённые две недели он так и не получил серьёзной информации, и с этой грустной мыслью он взял протянутую ему дежурным трубку.

– Алло! Иван Иванович! – Русский голос на том конце провода был взволнован, Кэндзи узнал его, это был старший бригады филёров. – Есть рыбка! Поймали!

«Поймали! – Кэндзи не поверил своим ушам. – Поймали! Неужели что-то важное?»

– Еду! – крикнул он в трубку. – Ждите на «кукушке».

Было уже совсем поздно, когда Кэндзи вышел из конспиративной квартиры. Он отпустил старшего филёра, и ему не терпелось обо всём доложить Асакусе. Конечно, можно было подождать до утра, но Кэндзи знал, что утром он попадёт к начальнику далеко не первым и придётся ждать, пока доложат все, кто старше его, а это будет долго.

Кэндзи вышел на слегка припорошенную снегом мостовую. Кончилась редкая для Харбина метель, улица была пустая, и он быстрым шагом пошёл в сторону центра до ближайшего перекрёстка, где его ждала дежурная машина миссии. Недалеко от пересечения Казачьей и Коммерческой, возле большого старого вяза, который рос прямо посередине мостовой, – он почему-то не был срублен, хотя и мешал проезду, – дремали трое рикш. Рядом со своими колясками они сидели на корточках, похожие из-за толстых ватных курток на большие серые шары, и, казалось, даже не замечали ледяного ветра с Сунгари. Кэндзи им позавидовал, потому что сам был одет в европейское красивое, но холодное пальто. Конспиративная квартира находилась на самой окраине Пристани, недалеко от реки, и её близость напоминала о себе пронизывающим ветром.

Кэндзи сел в машину и стал торопить водителя. Через пустой ночной Харбин, визжа на поворотах тормозами, они быстро домчались до крыльца миссии. Пробегая мимо дежурного, пожилого русского офицера, бывшего ротмистра, он только вопросительно кивнул ему в сторону кабинета начальника, в ответ дежурный тоже кивнул, мол, на месте.

Кэндзи был сильно возбуждён, он надеялся, что, может быть, это будет его первый успех.

Глава 6

Дверь в кабинет полковника Асакусы была приоткрыта, Кэндзи постучал и сразу услышал голос начальника. Он осторожно вошёл и с удивлением обнаружил, что кабинет пуст, только на письменном столе неярким зелёным светом горела настольная лампа. Он обвёл взглядом полутёмный кабинет и увидел, что через щели между створками стоявшей у стены ширмы слегка пробивается свет.

– Заходите, господин лейтенант!

Тут Кэндзи понял, что Асакуса находится за ширмой, там была ещё одна комната, в которой он не был. Он как влетел в здание миссии, не заходя в свой кабинет, в пальто, так и оставался в нём. Здесь Кэндзи пальто снял и осторожно положил на подлокотник кресла.

– Ну! Что ж вы медлите, лейтенант, заходите сюда – за ширму.

Асакуса сидел на корточках около поставленной на камни в самой середине пола медной, похожей на котелок хибачи и помешивал в ней горящие угли. Огонь мягко лизал стенки небольшого подвешенного над хибачи чайника, и на самых кончиках пламя, похожее на беличьи хвосты, давало немного света. Стены комнаты были затянуты квадратами желтоватой бумаги, пол выложен соломенными татами. Справа от Асакусы была токонома – ниша высотой в три четверти человеческого роста, углублённая на полтора локтя в стену. Внутри токономо висела акварель – сидящий на ветке, как будто бы мокрый от дождя ворон. Под акварелью стояла серая каменная, размером с ладонь тушечница, а рядом с ней – высокая фарфоровая вазочка с кисточками для письма.

Неверный свет горящих углей отблёскивал на стального цвета с чёрными отворотами шёлковом кимоно полковника. Его движения были медленными и размеренными.

На секунду Кэндзи застыл.

– Прошу! – Асакуса указал ему рукой на место против себя.

Кэндзи было шагнул, но тут же запнулся и неловкими движениями стал носком за пятку стаскивать тяжёлые, на шнуровке, европейские ботинки. Они не поддавались, а когда поддались, Кэндзи незаметно ногой вытолкнул их за дверь.

– По-моему, вы очень торопились, лейтенант?

Кэндзи, упираясь кулаками в колени, низко поклонился.

– Прошу меня извинить, господин полковник!

Асакуса продолжал помешивать угли.

– Только не говорите, что вы удивлены!

– Удивлён, господин полковник!

– Разве на Пристани мало японских и китайских чайных?

Кэндзи ещё раз обвёл помещение взглядом – в комнате всё было настоящее, японское, даже запах горящих углей.

– Там не так.

– А как?

– Там всё не по-домашнему. Там всё на продажу.

– А разве в Японии нету этого – на продажу?

Полковник был прав – в Японии в любом городе, любой деревне можно было найти чайный домик или чайную комнату в ресторанах, гостиницах, на постоялых дворах, но это в Японии.

Кэндзи озарило! Здесь как в Японии, как в его доме, а не как на Пристани, в харбинских японских и китайских кварталах.

– У вас, господин полковник, воздух как дома.

– Спасибо!

Асакуса показал рукой на стоящую рядом с Кэндзи юноми и черпачком на длинной бамбуковой ручке налил в неё кипяток. Кэндзи видел, как пиала стала горячей, сейчас он её возьмет, и она обожжёт ему ладони...

Полковник уложил рядом с очагом железный пруток-кочергу и посмотрел на Кэндзи.

– Негоже здесь говорить о делах, но, уж если вы пришли так поздно, наверное, вам есть что рассказать.

Кэндзи был смущён. Он сразу забыл про горячую юноми, он не сомневался, что принёс серьёзную информацию, но в личных покоях полковника вдруг почувствовал, что попал не к месту.

– Хорошо, не смущайтесь, – так или иначе, мы на службе.

– Спасибо, господин полковник.

– Какие результаты дало наружное наблюдение? – спросил Асакуса и стал медленно подниматься с колен.

Кэндзи посмотрел на него и невольно перевёл взгляд на висящую в нише акварель. Асакуса оглянулся и тоже посмотрел на нарисованного чёрной тушью ворона.

– Кэсай! Или почти Кэсай. Мне понравилась эта копия. Хорошая передача кисти старого мастера. Я хотел было заказать ещё, других мастеров, но продавец в лавке сказал, что художник, который продал ему эту, был бродячий, нищий. Удел талантов!

Асакуса расправил складки широких, ничуть не смявшихся под коленями хакама и захромал к дверному проёму. Кэндзи, обрадовавшись, что докладывать он будет не здесь, а в кабинете, встал и, уступив дорогу полковнику, вышел за ним; оставшаяся за спиной чайная комната вызвала у него чувство тоски по дому.

– Господин полковник, бригада «поймала рыбку» практически в последний момент, – сказал Кэндзи и коротко доложил о том, что было за весь период наружного наблюдения, какие были выявлены связи, что по ним было выяснено, упомянул, что интересного оказалось мало... – И так почти до самого окончания – практически ничего... много русских эмигрантов, их дети, но никого, за кого бы можно было зацепиться. Я уже был готов к наказанию.

– И что?

– Буквально несколько часов назад уже после работы Адельберг вышел на Китайскую и стал там кого-то поджидать. К нему подошла девушка, вы о ней знаете, Соня Ларсен, поэтесса из бывшей «Чураевки», и я подумал, что все духи против меня. Я так подумал, когда старший бригады мне об этом рассказывал...

– А как же «рыбка»? – спросил Асакуса.

– Она и оказалась «рыбкой».

Полковник посмотрел на Кэндзи.

– Адельберг и девушка зашли в кондитерскую, то есть в кафе «Марс», старший бригады, через какое-то время, – за ними и, проходя мимо, услышал, как Соня сказала сама, что у неё в Хабаровске живет родная тётка – сестра её матери.

Кэндзи замолчал, вглядываясь в своего начальника, тот задумчиво поглаживал коротко подстриженные усы.

– Так! И что?

– Надо вербовать Адельберга и через него разрабатывать эту самую тётку.

– А сколько вы будете разрабатывать и готовить к вербовке самого Адельберга? – Полковник смотрел в упор, этого взгляда Кэндзи не выдержал. Полковник сидел перед ним, как был в чайной комнате – в тёмно-стальном, почти чёрном кимоно, и из-за этого был очень похож на того самого ворона с акварели.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер.

«Басе!» В сознании Кэндзи всплыло имя древнего японского поэта, написавшего хокку про этого, как ему с детства казалось, намокшего под холодным осенним дождём ворона – прообраз ворона на акварели Кэсая, и он уже не был так уверен, что уйдёт отсюда с таким же настроением, с каким пришёл.

Он тихо произнес:

– Адельберг-младший учит японский язык.

– Ну что же, это интересно, у вас есть мысли на этот счёт?

После этого Кэндзи смело изложил Асакусе свой план.

Глава 7

На работе Сашик Адельберг сказался больным и покинул контору в середине дня. Две улицы до Мостовой он шёл пешком, потом сел в холодный автобус и доехал до маленькой гостиницы в самой середине тесного китайского района Фуцзядянь. Это место было для него новым и, пока он его искал, успел закоченеть.

За несколько минут, пока он здоровался, раздевался и усаживался, он начал отогреваться от январского низового ветра, подбиравшего с пыльных улиц остатки сухого снега и коловшего им руки и лицо.

– Как ваше общение с Константином?

– Родзаевским?

– Да! С Русским фашистским союзом! Вы от них ещё в восторге?

Сашик замялся, не зная, что ответить; он потёр озябшие руки и пододвинул стул ближе к печке.

– Вижу, что не очень! Правильно?

Сашик пожал плечами.

– Относительно недавно вы рассказывали о них взахлёб, я даже начал сомневаться, нужны ли вам наши отношения?

Он зашёл в этот гостиничный номер несколько минут назад и только успел снять шубу и шапку и сесть напротив своего собеседника, и ещё не очень понимал, о чём его спрашивают. Последняя часть вопроса прозвучала неожиданно, однако вопрос был задан, и у него в голове, как немое кино, прокрутились события начиная с июня прошлого года. Он ещё сдавал выпускные экзамены, когда знакомые с юридического факультета пригласили его на собрание РФС. Желание познакомиться с лидером союза Константином Родзаевским засело в нём ещё девять лет назад, после того как он оказался случайным свидетелем разговора Родзаевского с русским полицейским ночью, когда харбинская полиция готовилась напасть на советское генеральное консульство. И уже год, как он конспиративно встречается с советским разведчиком Сергеем Петровичем Лапищевым. Сашик сразу рассказал ему об этом: и приглашении, и своём давнем желании; втайне он думал, что Лапищев начнёт его отговаривать, – позиция руководства СССР по отношению к фашистам была известна, – однако, на удивление, Лапищев сказал, что, мол, это интересная идея, только пусть Сашик ко всему, что услышит, отнесётся внимательно и не даст обмануть себя громкими лозунгами и умением некоторых фашистов хорошо ораторствовать. Сашик стал ходить к фашистам, а фашисты на своих собраниях очень ладно громили коммунистов и СССР, и после первого же собрания, на которое он попал, у него стали появляться сомнения в том, что ему прежде рассказывал Лапищев. Сашик этого не скрыл, но Лапищев только улыбнулся и сказал, что, мол, а вы ещё их послушайте, ещё!

Он слушал фашистов с громадным интересом, но при этом чувствовал, что в согласии Лапищева, в такой неожиданной его лёгкости, в самом настроении, как ему показалось – ироничном, когда тот об этом говорил, была какая-то интрига. Сашика это сильно смущало и даже мучило.

Начались каникулы, было лето и отпуска, Лапищева вызвали в Москву, собрания в клубе РФС стали проводиться реже, однако Сашика заметил Родзаевский, их познакомил одноклассник Гога, и, когда Родзаевский не уезжал из Харбина, они в «малом кругу» близких соратников довольно часто общались.

Сашик очень удивился первой реакции Родзаевского на свою фамилию, когда Гога сказал, что это Александр Адельберг. Константин отступил от Сашика на шаг и стал его разглядывать, как птица, наклоняя голову то на один бок, то на другой, потом сказал: «Похож!» – но руки не подал. Сашика это обидело, и он хотел послать всех к «чёртовой матери», но была не

понятая им интрига с Лапищевым, и он перетерпел. На следующих встречах Родзаевский вёл себя сдержанно, а потом, видя интерес Сашика к тому, что он говорит, стал общаться с ним так же, как и со всеми остальными.

Дед от этого знакомства был в ужасе, но это было не его дело; папа же посмотрел внимательным и долгим взглядом, потом хмыкнул и сказал, что в политику надо приходиться со своими собственными идеями. Наслушавшись погромных рассуждений Константина о разрушительной роли жидов, Сашик обратился отцу с вопросом о действительной роли евреев в Октябрьском перевороте, но отец ничего не сказал. Мама старалась всего этого не замечать, а когда Соня вернулась после отдыха из Барима и он ей всё рассказал, она отреагировала с испугом. Потом он подумал, что, может быть, её напугала его новенькая чёрная форма с белыми ремнями.

В конце сентября, когда Сашик фашистскими идеями уже пропитался, он подумал, что, наверное, это здорово, что Лапищева до сих пор нет, потому что после всего, что он услышал от Константина, всё, что до этого рассказывал Лапищев, казалось откровенным враньём, и он наверняка порвал бы с ним. Вообще, Сашику стало казаться, что это лето и первый месяц осени в его жизни всё перевернули.

Лапищев вернулся в Харбин в начале октября и поставил метку, что он в городе. Сашика это очень разозлило. Он уже пожалел, что при первом знакомстве дал ему честное слово никому ничего не рассказывать. У него, по выражению Тельнова, чесался язык поведать Константину Родзаевскому про свою связь с Советами и что-нибудь придумать... Поэтому Сашик не стал реагировать на метку советского разведчика.

Однако в Рождество произошло сразу два события.

– Я вот что думаю, Александр Александрович!..

Сашику вздрогнуло – только в самом начале их знакомства Лапищев называл его по имени и отчеству.

– ...А, действительно, зачем вам наши отношения? – Лапищев сказал это тихо и спокойно. – Вы живёте в Харбине. Харбин – город настолько своеобразный и настолько благодатный, что это даже удивительно, что здесь есть такие страсти, как политика, фашисты, и если бы не японцы, то его можно было бы считать раем земным...

Он, сгорбившись, сидел на стуле, он был очень худ, настолько, что, когда закидывал ногу на ногу, одна свободно в два оборота обвивала другую.

Сашика это раздражало.

Лапищев был очень некрасив: маленький ростом, тщедушный, с глубоко посаженными чёрными глазками, прямыми чёрными волосами, зачесанными на косой, как облитый клеем, пробор. Он одну за одной курил противные советские папиросы из неряшливой, плохо склеенной пачки, из которой всегда сыпался табак прямо на колени, и Лапищев никогда его не стряхивал с хорошей шерсти дорогого костюма, который сидел на нём неуклюже. Но Лапищев этого не замечал, хотя иногда Сашику казалось, что он только делает вид, что не замечает, а на самом деле это была эдакая пролетарская бравада, за которой читалось пренебрежение к буржуазным традициям и потребностям дипломатического этикета – носить дорогие и хорошо сшитые костюмы. Однако Лапищев так крепко и доверительно жал руку, что это подкупало и обращало в ерунду все его видимые глазу недостатки. Сашик курил мало и нечасто, но на встречи с Лапищевым всегда приходил с крепким и пахучим французским «Жэтаном».

– ...Вы, с вашим образованием и воспитанием, знанием нескольких языков, очень даже просто могли бы жить, хорошо зарабатывать, обзавестись семьёй, жениться на красивой девушке из хорошей семьи, родить деток, наверняка ваша мамаша говорила вам об этом и мечтает, чтобы её сын жил именно так. Я не прав? Зачем вам двойная жизнь, конспирация,

опасности, которым вы себя подвергаете? Вы же понимаете, что если люди Родзаевского или японцы об этом узнают, то несдобровать ни вам, ни вашей семье?..

Сашик слушал, молчал и внутренне мучился, это случалось и раньше, иногда ему казалось, что этот похожий на хищного зверька человечек играет с ним в кошки-мышки.

На последнюю встречу 9 января Сашик пришёл в смятенном состоянии, и Лапищев это сразу увидел, но он долго-долго рассказывал про войну в Испании, про участие в ней против Франко интернациональных бригад и вдруг спросил:

– А что это настроение у вас такое подавленное? Вроде праздники были, и такие хорошие? Рождество, Новый год, Крещение!

Сашик даже вздрогнул.

Он никому не хотел ничего говорить, а тут его как прорвало, и он рассказал, что вчера, во время рождественского банкета, на котором присутствовали и Константин Родзаевский, и все его главные соратники, один из них, здорово выпив, стал рассказывать, как пять лет назад «стоял на шухере» и охранял дом на окраине города, где держали заложника. Заложником был талантливый пианист Семён Каспэ, сын еврейского харбинского богача Ёзефа Каспэ, мецената и владельца красивейшего здания в Харбине – гостиницы «Модерн» на Китайской и, между прочим, гражданина Франции. У соратника, когда он об этом рассказывал, налились сжатые кулаки, глаза глядели в одну точку; он был сильно пьян, но рассказывал уверенно; и Сашик поверил, что, если бы «этот жидёнок» снова попался ему в руки, он бы снова резал ему уши, рубил пальцы и посылал бы всё это «его вонючему папаше наложным платежом», а японская полиция, «прикрывая нас, молотила бы какую-нибудь чушь». Сашик счёл этот разговор пьяным бредом, но, когда непьющий Константин подтвердил всё, что рассказал соратник, и обосновал тем, что партии нужны были деньги, Сашик попытался возразить, а Родзаевский просто взбесился и громко кричал, что в белых перчатках не борются, мол, вспомни своего отца. Дошло до того, что Константин стал укорять Сашику тем, что он – «сын героя Белого движения, царского офицера и начальника разведки Верховного», хотя Александр Петрович был заместителем начальника разведки Колчака, но это было не важно. Всё произошло очень неожиданно, и эмоции Родзаевского Сашику показались излишними. «Политика политикой, – подумал он, – а просто так резать людей... – Сашик вспомнил рассказ Тельнова про казаков, – нельзя!» В конце концов Родзаевский договорился до того, что «все, кто не с нами, – те являются прямыми врагами нашей Родины». Сашик врагом себя не ощущал, он не выдержал и ушёл домой.

– Так и назвал – врагом? – сощурившись в дыму, спросил тогда Лапищев.

В голове у Сашика зазвучала какая-то тяжёлая нота, и он, глядя прямо в глаза Лапищеву, промолчал.

– Понятно! Значит, для вас это важно, что не какие-то бандиты или хунхузы, а именно фашисты Константина Родзаевского выкрали и убили Семёна Каспэ! А почему? Он же жид!!! Вполне соответствует программным установкам фашистов!

– А мне, Сергей Петрович, – ответил Сашик, – это всё равно, кто жид, а кто нет! Я дружу со всеми, если это нормальные люди!

– Правильно, я тоже так считаю!

На той встрече Лапищев вдруг рассказал о том, что японцы создали в Маньчжурии две секретные лаборатории: «Отряд 100» и «Отряд 731»; в них на китайцах и арестованных жандармерией коммунистических подпольщиках и просто схваченных на улице людях они проводят опыты по прививке смертельных заразных болезней и после их изучают, и подытожил:

– Родзаевский и его фашисты являются самыми близкими помощниками японских военных, разведки и жандармерии!

После этого он ещё коротко объяснил, что ни одна политическая партия сама денег не производит.

Именно тогда, после пьяных откровений соратника и подтверждения трезвого Родзаевского, Сашик начал думать: а можно ли хорошее дело делать грязными руками убийц талантливых музыкантов любой национальности? За прошедшие после этого две недели он ни с кем из них и даже со своим другом Гогой не встретился.

– Вы точно знаете, что фашистская партия существует на деньги японцев? – спросил он у Лапищева, вспомнив слова отца о том, что если «у них забрать деньги или не платить им, то от партии ничего не останется».

– Точно! – коротко ответил Лапищев, и Сашик ему поверил. Всё же его простота и крепкое рукопожатие подкупали Сашика. После этого он подтвердил, что хочет получить советское гражданство. Лапищев, как и год назад при их знакомстве, предложил ему пока никому об этом не говорить, даже «папаше и мамаше», и только что, неожиданно поменяв тему разговора, спросил: – А как бы ваш папаша отнёсся к этому вашему желанию – принять советское гражданство? Ему об этом ничего не известно? – Он опять завил ногу за ногу и, ссутулясь в прямом китайском резном стуле, стал над коленями разминать папиросу.

– Ему это будет непонятно.

– Могу поверить – он боролся с нами, большевиками, а любимый и единственный сын норовит стать советским гражданином. А мамаша?

– С матушкой проще – она ни с кем не боролась, она из России уехала давно, ещё до семнадцатого года, и просто испугается.

– Да! Ну и тут понять несложно! А как, кстати, поживает ваш иконописец?

– Тельнов?

– Да!

– Кузьма Ильич? Ему бы в Москву, поближе к Тверской, к его любимому университету. Поругивает вас. Не может чего-то простить, всё вспоминает сибирских казаков, как он говорит, – «пострелянных» красными партизанами.

– А вы как относитесь к этим его рассказам?

– Плохо. Я думаю, что люди всё-таки должны жить и радоваться жизни.

– Тут, Александр, я с вами согласен. Люди действительно должны жить и радоваться жизни. Кстати, а как у вас на личном фронте?

Снова перемена темы была неожиданной, и Сашик поднял удивлённые глаза:

– На «личном фронте»? Что это?

– Ну-у! – усмехнулся Лапищев. – Теперь я за вас спокоен. Если бы сейчас вас взяли вербовать японцы, толку от этого всё равно бы не было.

– Почему? – спросил Сашик.

– Вас удивило, что они стали бы вас вербовать или что от этого не было бы толку?

Сашик немного подумал и ответил:

– И то и другое!

– Ну что ж, отвечу и на «то», и на «другое»! – Лапищев смотрел на своего молодого собеседника с хитрой прищуренной улыбкой. – «То»! – значительно произнёс он и поднял палец. – Фашиста, да из такой семьи, не завербовать – грех! Ваша семья слишком авторитетна в Харбине! «Другое»! В этом городе вы как в консервной банке! Совершенно не знаете современного русского языка. Если в СССР вы будете так вскидывать глаза на простые фразы, которые у нас давно уже стали обычными, мои коллеги из контрразведки быстро вами заинтересуются – чужих у нас не любят.

Сегодняшняя беседа проходила как-то странно, и Сашик вытащил из кармана пачку «Жэтана»; крепкий дым толстых французских сигарет быстро перебил запах лапищевских папирос. Ответ Лапищева был ему непонятен.

– «Личный фронт» – это, наверное, личная жизнь? – переспросил он.

Сергей Петрович согласно кивнул и улыбнулся.

– На «личном фронте»? – Сашик повторил вопрос Лапищева. – Крупных событий не происходит. Фронт стоит на месте!

– Может быть, оно и к лучшему. Но это я так, для затравки.

Сергей Петрович сделал последнюю, очень дымную затяжку и вмял остатки папиросы в пепельницу. Сашик уже давно заметил, что его движения часто бывали резкими и даже грубыми. Это напоминало ему манеры рабочих мастеров из железнодорожных мастерских; они были простыми людьми, но в постоянном общении с инженерами, особенно из старых, обладавших хорошими манерами и с образованием, русскими интеллигентами многое перенимали, иногда очень комично. Чувствовалось, что Сергей Петрович провёл своё детство и юность не за гимназической партой или около университетской кафедры, а, вероятнее всего, в рабочей, мастерской среде. Однако дипломатическая работа оставила свой след – он хорошо говорил, грамотно писал, иногда цитировал известных русских поэтов и писателей, однако окурки своей серой, грубой и сильной рукой растаптывал в пепельнице всмятку и выражения вроде «для затравки» были для него естественными.

– Александр Александрович, я хочу, чтобы вы ответили на один вопрос!.. – опять закулив, сказал он. – Однако, прежде чем ответить, подумайте!

Сашик смотрел на собеседника не отрываясь, ему казалось, что он догадывается, о чём тот его сейчас спросит.

– У вас есть много вариантов, но мы рассмотрим только два! Вы меня внимательно слушаете? Я могу продолжать?

Сашик кивнул.

– Тогда вариант первый – вы выбираете свой жизненный путь, если хотите, остаётесь с фашистами, но тогда мы сейчас расстанемся и будем считать, что вы от нас, а мы от вас свободны, и, если случайно встретимся в городе, можете со мною не здороваться, я не обижусь...

Сашик пошевелился...

– Погодите, Александр, не торопитесь, вы можете ответить сейчас, можете позже, однако выслушайте вариант номер два!

Сашик кивнул.

– Вариант номер два – мы работаем вместе на пользу вашей и моей родины – России. Сейчас она называется Советский Союз. – Лапищев секунду помолчал. – Если нужно время, чтобы обдумать ваше решение, оно у вас есть...

Езда из Фуцзядяня на Пристань получилась долгой и утомительной. Рикша, молодой китаец в войлочной шапке и ватной куртке, бежал хотя и резво, но всё-таки медленно, и Сашик снова успел замерзнуть.

Он сошёл у кондитерской в самом начале Китайской улицы.

«Хорошо, что Лапищев назначает встречи не утром и не вечером, – все места свободны, можно спокойно посидеть и подумать».

В зале кондитерской было всего несколько человек; почти все столики были свободны. Мысль зайти именно в кондитерскую пришла ему в голову по дороге, и не только потому, что на улице стояла стужа с пронизывающим ветром, он был хорошо, добротно одет: крытая шуба и бобровая шапка уберегали от холода и ветра. Выйдя из маленькой китайской гостиницы и перебирая в голове только что закончившийся разговор с Сергеем Петровичем, он понял, что всё, что он сейчас слышал, надо обдумать в тишине и уединении. Дома ему этого сделать не дадут: матушка и Тельнов будут отвлекать разговорами, да и время неурочное – середина дня – по идее он сейчас должен быть на службе, не станешь же, будучи очевидно здоровым, объясняться перед домашними, что в конторе он сказался простывшим и отпросился.

Сашик оглядел зал. В этой кондитерской он ещё ни разу не был. Он хорошо знал Харбин, все приличные места, где можно было провести вечер, хорошо поесть – русского, или китай-

ского, или французского. Знал все кофейни и кондитерские, а об этой, судя по всему недавно открывшейся, не знал.

Зал был высокий, просторный. В центре потолка висела большая изящная электрическая люстра, от неё лился свет, который мягко отражался от окрашенных в цвет кофе с молоком стен. Понизу стены были закрыты полированными чуть выше столов деревянными панелями. Вся мебель – столы, стулья, бар были сделаны из красного дерева. Почти под самым потолком висели, как это ни странно, узкие книжные полки, в которых стояли старые книги.

«Как в библиотеке! Как уютно и как тихо!»

Он огляделся и увидел, что возле громадных зеркальных окон стояли высокие, как в баре, столешницы, а рядом с ними были стулья на высоких ножках. Если сесть на такой стул, то можно, опершись на столешницу локтями, смотреть из тёплого зала на бегущих по морозу закутавшихся людей, у которых не было пяти минут для того, чтобы зайти сюда и отогреться чашкой кофе.

В зале вкусно пахло – мололи, поджаривали зерна и варили кофе тут же.

– Чего изволите? – услышал он тихий голос за спиной и обернулся. Рядом с ним стояла и улыбалась миниатюрная кельнерша в белой наkolке на скромно уложенных волосах, в руках она держала большую, обтянутую коричневой кожей книгу меню.

Сашик молча взял его и раскрыл.

– Если вы один, не пожелаете ли присесть к окну? – спросила кельнерша.

«О! – подумал он. – Тут мысли читают!» Он уселся на стул, положил локти на столешницу и посмотрел в окно: «Стужа! Бр-р-р!»

Меню приятно удивило – кроме обычного, довольно богатого выбора кофе, чая и полагающихся в таких заведениях пирожных в меню были холодные и горячие закуски, коньяки, водки и вина, и это несколько озадачило: «А что? С мороза не помешает!»

Через несколько минут перед ним стояла рюмка арманьяка, тарелочка с солеными орешками, чашка кофе и большой кусок наполеона. Ещё через несколько минут, когда тело начало согреваться от пригубленного коньяка, в голову пришла мысль: «А хорошо бы сюда – с Соней. Бьюсь об заклад – она об этом заведении ещё ничего не знает».

Пока он сюда ехал, то по дороге обдумывал только что закончившийся разговор.

С первого дня знакомства с Лапищевым он полагал, что стал советским разведчиком. Его, правда, удивляло, что он ещё не получил ни одного серьёзного задания. На встречах Лапищев рассказывал о жизни в СССР, объяснялся на политические темы, это было интересно, но совсем не интригующе. До знакомства с Родзаевским Сашик горел совершить что-то такое, что в его понимании было бы настоящим поступком настоящего разведчика, однако дальше обсуждения общеполитических вопросов и некоторых ситуаций харбинской городской жизни дело не шло. А когда сорок минут назад он сказал, что принимает второй вариант, Лапищев, как ему показалось, погрузился и молча выкурил две папиросы подряд.

– Тогда вот какое дело, Александр! – задумчиво отмахивая рукою дым, сказал он. – Наши японские «друзья» сейчас решают одну очень важную для себя задачу.

Сашик напрягся, разговор в такой тональности за год их общения был впервые.

– Им нужны свежие люди. И здесь, и там! Из наших, из русских.

«...Из наших, из русских...» Сашик вспоминал слова Лапище – ва, вытащил из кармана и положил перед собой пачку «Жэтана».

– Месье! – услышал он за спиной. Он обернулся, у спинки его стула стояла та же кельнерша и держала в руках зажжённую спичку.

– Спасибо! – Сашик прикурил и выпил глоток коньяку. «Интересно, а в СССР есть такие кондитерские? Надо спросить!»

Сегодняшний разговор с Лапищевым был не похож на предыдущие.

«...Из наших, из русских...»

Только уже к концу он понял, что весь год их общения Лапищев к нему присматривался, только сейчас до Сашика стал доходить смысл некоторых отрывочных фраз, которые обронил Лапищев в последнем разговоре, а разговор свёлся вот к чему.

– ...Им нужны свежие люди, – сказал Сергей Петрович. – И здесь, и там! Из наших, из русских. Дело в том, что полковник Асакуса и его подчинённые усиленно подыскивают среди вас, харбинцев, людей, у которых есть родственники в Хабаровске. Именно в Хабаровске. Опрашивают многих, стараются делать это очень конспиративно, однако попадают и на наших людей.

Когда Сашик услышал финал последней фразы, он удивлённо вскинул глаза.

– Подробности я пока опущу, Александр! Сами понимаете!

Сашик мало что понял, но кивнул.

– Мы пока не знаем, зачем им это надо! – Сергей Петрович окутался клубами дыма, и Сашик стал догадываться, что, скорее всего, они обо всём знают, но, видимо, для него это пока секрет. – Уж очень усиленно они повели этот поиск! Многие семьи харбинцев, как вы знаете, «располовинены» – остались родственники и друзья и в Питере, то есть в Ленинграде, и в Москве, и в Париже, и здесь, на Дальнем Востоке, только по ту сторону Амура. Но им нужен именно Хабаровск.

– А в Хабаровске что?

Сергей Петрович немного помолчал.

– В Хабаровске штаб Дальневосточной армии, новые заводы, новое оборонное строительство! Соображаете?

Сашик кивнул, теперь он начал понимать.

– Вы рассказывали о ваших друзьях и знакомых...

Сашик снова кивнул.

– ...так вот, среди ваших знакомых наверняка есть люди или человек, которые очень могут пригодиться японцам.

Сашик смотрел на Лапищева.

– Софья Ларсен! – сказал, как отрубил, Лапищев и впился глазами в Сашика, тот похолодел!

«Зачем? А Соня им зачем?»

– Сама Софья нам ни к чему, – сказал, как будто читал мысли, Лапищев, – и японцам, она, скорее всего, тоже ни к чему. А вот её родная тетка, которая работает секретарём-машинисткой на одной из больших пригородных железнодорожных станций под Хабаровском, им бы очень подошла. И нам тоже.

Сашик смотрел на Лапищева не отрывая глаз и молчал.

– Мы предполагаем, что им нужен или человек, способный кого-то опознать, или человек для организации канала связи, не вызывающий подозрений у нашей контрразведки, а раз она работает на железной дороге, значит, по мысли японцев, она не должна вызывать у НКВД особых подозрений. Пусть даже её близкая родственница, к примеру сказать, мамаша Софьи, живёт в эмиграции! Не все же в этом виноваты, в конце концов!

Говоря это скороговоркой, Лапищев даже покраснел, он забыл про папиросу и обжёгся.

– Фу, чёрт! – Он бросил её и помахал пальцами. – Ну! Теперь понятно?

Сашик окаменело смотрел на него.

– А в чём будет состоять моя задача?

– Ну, слава богу. – Лапищева как будто отпустило, он распрямился и, глядя на Сашика с мягким прищуром, произнёс: – Ваша, Александр, задача – простая. Ваша задача, как человека близкого к её семье, не пропустить, если к ней кто-нибудь обратится с просьбой вспомнить о тётке в Хабаровске! Засечь нам надо этот момент и того человека, который... вы понимаете меня!

В течение наступившей паузы Сашик подумал: «...Японцы могут найти... могут найти кого угодно, могут и Соню... Могут и Соню! Если они найдут Соню... в смысле...»

– Я понял! – неуверенно сказал он.

– Ну вот и хорошо. А о желании вашем по поводу гражданства никому ничего не говорите. И папаше с мамашей тоже! Ни к чему! Это нам может только помешать! Этот вопрос мы с вами решим позже. Да, кстати! – без всякого перехода вдруг сказал Лапищев. – Я хочу подвесить вам одну задачу. На первый взгляд она может показаться несерьёзной, но результаты могут нам очень помочь, поэтому то, что я вам скажу, примите как боевое задание!

Сашик смотрел на часы, занятый своими мыслями, он просидел в кафе уже час. Было ещё светло, и он решил пока никуда не торопиться.

Уже в самом конце разговора, как только Лапищев упомянул Хабаровск, он вспомнил свою позавчерашнюю встречу с Соней, и его обожгло. После кафе «Марс» Сашик проводил её домой, Соня жила недалеко, около кинотеатра «Америкэн», и на автобусе поехал к себе. Настроение испортилось, ему не хотелось объясняться по поводу своих разочарований в фашистах, а кроме того, в автобусе было так холодно, что он моментально забыл, что только что сидел с Соней в тёплом кафе, вместо этого было ощущение, что весь вечер он простоял на морозе.

Тогда он ехал один, сейчас один сидел – и вспоминал и сопоставлял позавчерашний разговор с Соней и сегодняшний с Лапищевым.

«Черт побери! Все всё знают, – думал он. – Только до меня всё доходит последним. А кстати, как она могла получить «весточку», – вспомнил он, – то есть её мать? Из Советского Союза? Переписки-то нет!»

Это было не совсем так, однако японцы старались контролировать всё, что касалось контактов эмигрантов с СССР, по крайней мере так думали все русские, жившие в Харбине.

«Если пришло письмо по почте, даже пусть кружным путём, то японцы наверняка его прочитали. Значит, они могут проследить связь Сониной мамы с сестрой в Хабаровске. И наверное, это то, что они ищут, если верить Лапищеву. Кстати, Лапищев! Он тоже этого ищет, то есть хочет перехватить то, что нужно японцам! Вот это загадка! Или отгадка? Или «зацепка» – как он выражается! Если они её зацепят... – тут мысль Сашика прервалась, – то что я смогу сделать?»

Чем больше он об этом думал, тем яснее понимал, что сам он ничего сделать не сможет.

«А если она уедет в Шанхай? Тогда они возьмутся за мать, и у меня не будет возможности что-то выяснить. Нет, это не подходит. Помочь им уехать вместе? Это потребует денег, да и кто их устроит в Шанхае? Мало ли, что там родственники! Многие хотят уехать, но пока мы все здесь! Да и что я им смогу объяснить, что мне что-то подсказал сотрудник советского консульства?»

Мысль Сашика запнулась.

«Ну и объясню! Мне нечего бояться! Если это надо ради их спасения? – Сашик внутренне согревался от собственного мужества. – А если не поверят и не поедут? – Тут он снова запутался. – Ну что ж! Объяснять так объяснять!.. Только кому?» И похолодевшей душой он понял, что объяснять ни Соне, ни её маме ничего нельзя, не поймут, не поверят, начнут волноваться... а к чему это может привести, один Бог знает!

«А почему я так волнуюсь, может быть, они получили это злополучное письмо не по почте, а как-то иначе? Тогда что? Просто сидеть и ждать? Так ведь и японцы не дураки, если они серьёзно возьмутся за дело, то как об этом узнать? Тогда уж точно помочь будет нечем, это ясно как божий день! Матка Боска! – вспомнил он молитву матери. – Спаси и помоги!»

И тут его осенило!

«Лапищев! Конечно, Лапищев!»

На душе у Сашика потеплело, и мысли потекли ровнее.

«Не зря Матерь Божья за всем наблюдает со своих небес и мама её об этом просит! Лапищев! Сам напросился! Разве он со мной не об этом говорил? – Тут Сашик снова запнулся. – А почему со мной? Именно со мной!» В этом месте его мысль опять застопорилась.

«А почему я думаю, что Лапищев разговаривает об этом только со мной? Он ведь сам сказал, что... – Здесь он вспомнил сказанное Сергеем Петровичем дословно: «Японцы опрашивают многих, стараются делать это очень конспиративно, но частенько попадают на наших людей». – Значит, – догадался он, – у них есть с кем об этом разговаривать... кроме меня!...»

За этими мыслями Сашик вдруг вспомнил, что Лапищев «подвесил» ему первое, как он выразился, «боевое» задание.

«Вот зачем ему понадобился мой «личный фронт»! – подытожил он, сделал последний глоток коньяку, допил остывший кофе и решил, что если он пойдёт отсюда пешком, то придёт, когда все уже будут дома. Как обычно.

Глава 8

Дверь громко хлопнула, и в холодных сенях кто-то начал сильно топтать ногами и шаркать об половику.

«Кузьма Ильич, – подумала Анна Ксаверьевна, отложила шитьё и прошла на кухню. – Чем-то недоволен!»

– Чаю поставить, Кузьма Ильич? – крикнула она в прихожую.

Тельнов из сеней вошёл в коридор, и к топанию добавились громкое шмыганье носом и сморкание. Анна Ксаверьевна выглянула из кухни, когда старик уже снял шапку и разматывал шарф, и по его красному, взопревшему лицу тёк пот.

– А что? – удивлённо спросила Анна. – Вы разве бежали?

Тельнов недовольно посмотрел на неё из-под косматых бровей, расправил смоляные усы, которые не брала никакая седина, и, как бы разоряясь, сказал:

– Ещё бы я стал бегать на старости лет по этому Харбину! Вашему! Никак не могу привыкнуть! – и, посопев, после паузы добавил: – Никчёмный климат, матушка, – стоишь, мороз до костей пробирает, чуть пройдешься – мокрый, как мышь из лужи! Вон спина вся мокрая, по колена.

Анна прыснула.

– Ну по поясницу! – Он мелко перекрестился. – Прости господи! По поясницу, конечно! А морозище, всё ж Крещение, – не выйти, собаки на летудохнут...

Анна снова прыснула.

– Да что это со мной! Собаки – на лету, поясница – по колено! А всё – чужбина! Уж сколько здесь живу, знаете ли, скоро семнадцать лет, а привыкнуть не могу.

Тельнов справился с верхней одеждой и остался в косоворотке и смятых под валенками брюках. Не надевая тапочек, он в одних белых вязаных носках прошёл в гостиную и устало уселся в хозяйское кресло. Анна Ксаверьевна удивлённо посмотрела на него; было видно, что Тельнов чем-то сильно расстроен – в доме было заведено, что в плетёное кресло-качалку Александра Петровича никто никогда не садился.

– Сейчас, матушка, дайте отдышаться, сейчас я освобожу кресло уважаемого Александра Петровича.

Тельнов ещё минуту посидел, потом тяжело упёрся руками в подлокотники, качнулся и встал.

Прислуга уже ушла, но самовар ещё был горячим, Анна Ксаверьевна сама налила стакан чаю и поставила его на стол.

– Что-то с вами не так, Кузьма Ильич!

– Да уж куда как не так! – Он обошёл вокруг стола, сел в своё «хрусткое» плетёное кресло и отхлебнул из парившего стакана.

Тельнов сидел за столом в тяжёлой задумчивости. Сегодня в середине дня он ходил в Фуцзядянь купить кисточек – в китайском районе было всё же подешевле – и увидел, как из дверей какой-то маленькой китайской гостиницы вышел Сашик и торопливо пошёл по улице, а через несколько минут оттуда же вышел этот, «краснюк», – сотрудник советского генконсульства. Конечно, это могла быть случайность, а могла быть и не случайность. Надо было бы об этом поговорить с Александром Петровичем, но этого-то разговора Тельнов и боялся.

Собственно, в самом разговоре ничего страшного не было. То есть не должно было быть. Но никто в семье не знал, что к нему самому уже давно подбивают клинья разные личности, то из Бюро по делам российских эмигрантов, то монархисты, то фашисты, всех и не упомнишь. И все с одним и тем же вопросом: «Как там у Адельбергов да что там у Адельбергов?» Очень назойливо спрашивали. И говорить нельзя, и не говорить нельзя, ещё устроят какую-нибудь

пакость, а потом расхлёбывай. Советские ещё не подходили, но, как видно, Сашик сам к ним наладился.

Старик злился, он чувствовал себя виноватым перед Александром Петровичем за то, что обо всем этом умолчал, – думал, что обойдётся.

– Анна Ксаверьевна! Матушка! А когда Александр Петрович обещались прийти?

Анна только покачала головой и снова взялась за шитьё, потом оторвалась, подняла голову и неожиданно спросила:

– Кузьма Ильич, а как вы думаете, что будет?

– В каком смысле, матушка?

– Ну как «в каком смысле»? Что с нами будет?

– А что с нами может быть? Живём себе!

– А вы думаете, мы тут с вами век будем жить? Харбин, конечно, русский город, но страна чужая – всё-таки Китай!

– Век не век! А может, и век!

Старик ответил с каким-то запалом, засопел и стал часто отхлёбывать остывающий чай.

– Век не век, – повторил он, не зная, что ответить, а потом задумчиво сказал: – Тут вы правы, что это Китай, а не Россия. Вон что происходит – советские на КВЖД пришли, и были, и думали, что ещё будут. А пришли японцы, и советские ушли и дорогу продали, теперь тут японцы хозяйничают. – Он помолчал. – И их кто-нибудь выгонит. Не смогут они со своих крохотных островов, возьмите любую карту – ладонью прикрыть можно, удержать такую машину. И китайцы поднимутся. Или ещё кто-нибудь их погонит. Вон какой лакомый кусок – Маньчжурия. Погонят, обязательно погонят. В Европе-то что делается – кругом война зреет. Всё клокочет! И наши разбегаются кто куда. Не знаю, что Александр Петрович думает. Что его тут держит?

Он надолго замолчал с пустым уже стаканом, потом встал, вышел из комнаты, через минуту вернулся и положил на стол холщовый мешочек, достал и разложил на столе иконки.

– Вот о чём надо думать. Здесь мир и покой. Здесь и подвиг! А если и не подвиг – то любовь. Истинная. И красота! Тоже истинная!

Анна глянула на иконки.

«По-моему, зря все думают, что старик со странностями, – подумала она. – Это они – многие со странностями, а у него – душа... хорошая».

– Третьего дня я, матушка, захаживал в монастырь наш, Казанской Божьей Матери... – не дал ей додумать Кузьма Ильич, – хороший монастырь, успокоительный. И дела там старцы делают добрые: книжки душеспасительные печатают, людей наших долготерпению учат, даже китайцы православные есть, и много, и крепки в вере, крепче иных русских...

– Кузьма Ильич! – прервала его Анна Ксаверьевна. – Вы спросили – что Александр Петрович думает? Вы хотите сказать, что нам надо куда-нибудь перебираться?

Старик недовольно посмотрел на неё, но Анна продолжала:

– Я уже об этом думала, да только куда? Может, на родину, в Россию?

– Шутить изволите, матушка! России нет! А есть одно НКВД! – Он помолчал и добавил: – Мне уже Москвы не видать, и вам – вашего Питера! А мир велик, и везде, как я слышал, русские живут.

Она отложила рукоделие:

– Я и сама понимаю, что в Россию нам уже не вернуться! Я до сих пор не могу поверить, что Николая Васильевича там расстреляли. Вы помните, – глаза её немного растерянно смотрели на Кузьму Ильича, – как он вот здесь, в этой гостиной, рассказывал о своей поездке в Москву... читал рукописи своих новых книг. Нас уговаривал...

– Да, жалко, умный был человек, профессор Устрялов, хотя и молодой совсем. Он стране много пользы мог принести... он мне напоминал одного приват-доцента московского, из уни-

верситета. Фамилию его я уже не помню, но человек был такой же – с запалом... Тот вместе со студентами против охотнорядских даже в драки ходил... Однажды ему крепко досталось... И в околотке посидел, то ли день, то ли три. Тоже всё произносил речи за новую Россию. Помню, попал я на их собрание, он там с одним своим, только с профессором, в спор вступил, мол, какой России быть через пятьдесят лет!

Кузьма Ильич ненадолго задумался.

– А кстати, матушка, какой нынче год на дворе?

– Тридцать восьмой, январь... – с удивлением сказала Анна Ксаверьевна.

– О! Видите? Как в воду учёные люди глядели! Это было в 1903-м, тоже зимой. Немного они, правда, ошиблись, на десяток лет с небольшим. Так вот этот, который на Николая Васильевича был похож, до слёз доказывал, что в России быть парламенту и демократии. Лучше Англии будет, и Франции с Америкой. А другой, спокойный такой, степенный, всё его Фёдор Михайловичем крыл, Достоевским...

Анна понимающе кивнула.

– ...он всё из «Бесов» цитировал. «Вы, – говорит, – мне Шатова напоминаете. Вы, – говорит, – как и он, – идеальное русское существо. Вас, – говорит, – вдруг поразила какая-то сильная идея и точно разом придавила собою, и, скорее всего, – навеки. И справиться с нею такие, как вы, не в силах, а веруете страстно. Вот ваша жизнь и проходит, как бы в последних корчах, под свалившимся и наполовину совсем уже раздавившим вас камнем». Это он так цитировал. «Какая, – говорит, – к черту демократия и парламент? Вы перейдите дорогу! А хотя вы её уже переходили!» Ну тут собрание, которое, будьте уверены, помнило побои приват-доцента и его сидение в околотке, конечно же покатилося со смеху. А приват-доцент тот, как бишь его звали?.. – Кузьма Ильич наморщил лоб. – Не помню, но уж больно был похож на Николая Васильевича нашего, Устрялова, покойника, спаси, Господи, его душу! Так вот, приват-доцент этот краснел и отдувался! А тот – дальше: «Перейдите через дорогу, а лучше отъездыте в Тверь или Калугу, посмотрите и посчитайте! Те, кому из наших соотечественников, из крестьян сейчас тридцать, как вам, или сорок, как мне, через пятьдесят лет будут иметь ещё только правнуков, в лучшем случае – праправнуков. И что они сумеют и успеют им дать? Культуру? Образование? И что они с этой культурой и образованием будут делать в этом вашем парламенте? Драться, пить и материться, потому что договориться между собой они не смогут. А там, где нет общественного договора, какая может быть демократия?»

Кузьма Ильич хлебнул из пустого стакана, поморщился и продолжил:

– Что тут, матушка, стало с нашим приват-доцентом! Покраснел, изошёл потом и как закричит: «А мы зачем? Мы должны обучить их самих, их детей и внуков! Вы сами-то, с какой целью Достоевского читаете? Только лишь для эстетического удовольствия? А если так, то зря... Не для вас он писал...» А профессор ему отвечает: «...А для вас! Вот я ещё вам процитирую, извольте! «...А между тем у нас...», то есть у вас, «...была одна самая невинная, милая, вполне русская, веселенькая, либеральная болтовня. «Высший либерализм», а «высший либерал», то есть либерал без всякой цели, возможен только в одной России. Уж если вы, уважаемый, хотите что-то сдвинуть с места, то под это нужна основательная экономическая и просветительская идея, и лет эдак на сто, а может, и того больше. Иначе русский мужик – а он был тысячу лет и ещё тысячу лет будет – придумает себе другого царя или другого тирана и будет от него тумачи получать и на него же молиться. И вам по шапке надаёт!» – Кузьма Ильич хмыкнул. – Так они, матушка, чуть до драки дело не доводили. И много раз так повторялось. А ещё просвещённые люди, а на деле так и вышло. Я потом на их собрания перестал ходить. – Он помолчал и добавил: – Не знаю, Аннушка, в красной России не был, а по слухам, опять же, вот как дело с Николаем Васильевичем Устряловым-то вышло! Только не через пятьдесят лет, а ещё короче. Так-то вот!

– Он действительно арестован в Москве, полгода назад, это не слухи.

Анна и Тельнов обернулись, в дверях стоял Александр Петрович уже без пальто и шапки и в домашних туфлях.

– Сашенька! А мы и не слышали, как ты вошёл!

Он прошёл в спальню и стал переодеваться в домашний костюм, Анна зашла за ним и увидела, как ей показалось, в глазах мужа тревогу.

– Что-то случилось? – спросила она и присела на краешек стула. – Что-то на службе?

Анна Ксаверьевна редко спрашивала об этом, но сейчас у неё заскребло на душе.

Александр Петрович посмотрел на неё и спокойно ответил:

– Да в общем всё в порядке! Беженский комитет тихо умирает, а жалко, мы всё-таки, как можем, помогаем людям.

– А Бюро?

– Бюро, Анни, создано не для этого! Бюро – это ширма, а на деле...

Анне Ксаверьевне очень хотелось спросить, это ли тревожит Александра Петровича, но она терпеливо ждала.

– Ты поужинаешь?

Александр Петрович неспешно переоделся, подошёл к жене и поправил ей прядку, она всегда непослушно выбивалась.

– Ужинать не буду, с японцами поужинал, пригласили, а чаю попою.

Анна больше ничего не спросила, поднялась и пошла в гостиную.

Александр Петрович посмотрел ей вслед, ему действительно было не по себе, и он видел, что ей передалась его тревога.

За чаем все молчали. Кузьма Ильич несколько раз набирал воздуха, порываясь что-то сказать, но сдерживался, молчание нарушил Александр Петрович.

– Я невольно подслушал ваш разговор. – Он задумчиво разминал папиросу. – Мне тоже не всё нравится, что у нас здесь происходит, но тут японцы – жандармерия, там, в России, – НКВД. Кстати, и здесь – НКВД. Он долгим взглядом посмотрел на Кузьму Ильича. – Что-то и те и другие затевают. Приходится быть осторожным, особенно в рассуждениях вслух... – Он снова смотрел на Тельнова, тот хотел что-то сказать, но опять промолчал. – Даже дома! – подытожил Александр Петрович. – Японцы разбираться не станут. А мысли правильные – ситуация не становится лучше и, скорее всего, будет хуже.

Анна вся подобралась, а Кузьма Ильич, не поняв намёков Александра Петровича, но услышав оценку, которая вполне сходилась с его оценкой, распрямился и гордо расправил усы. Александр Петрович заметил это и недовольно произнёс:

– Осторожность и ещё раз осторожность, уважаемый Кузьма Ильич. Допускаю, что Номура, хотя его и называют Костей, не читал досточтимого Фёдора Михайловича и не слушал споров ваших профессоров и приват-доцентов, но в его застенках так же темно, сыро и холодно, как в охотнорядских подвалах и кладовых. У него много глаз и ушей, особенно среди наших. Люди исчезают.

– Матка Боска! – невольно произнесла Анна Ксаверьевна.

Услышав, как отреагировала Анна, Александр Петрович подумал, что, наверное, он сказал это слишком жёстко. Кузьма Ильич сидел не шелохнувшись, потом поморщился, как будто съел дольку лимона без сахара, потёр лицо ладонями и хотел что-то сказать.

– Извините, Кузьма Ильич, не обижайтесь, здесь нам опасаться, конечно, некого, но...

– Да, да! Александр Петрович, я понимаю, наверное, вы правы, кругом японцы и НКВД, да и ни к чему эти разговоры, всё одно ничего не изменишь...

– Ну и ладно! Тогда всё в порядке! – Ему стало жалко старика, и он спросил примирительным тоном: – А где Сашик?

Глава 9

После разговора с Кузьмой Ильичом и того, что сказал Александр Петрович, Анне стало тревожно.

Часы в гостиной пробили без четверти десять, за окнами было темно, городские конторы давно закончили работу. Сашик в это время обычно уже приходил домой, даже если после работы встречался с друзьями.

Дед сидел не шевелясь, и было видно, что он не знает, куда себя деть. Александр Петрович взялся за папиросу и книгу, и Анна посмотрела на него: «Господи! За семнадцать лет, как он вернулся, он почти не изменился, не постарел, не поседел, не полысел, а я?» Она почувствовала на душе непонятное смущение и, чтобы скрыть его, встала и начала собирать чайную посуду. В какой-то момент она вспомнила только что закончившийся разговор и с ужасом подумала: «Матка Боска, о чём я думаю?» В это время хлопнула входная дверь, и через секунду в гостиную заглянул Сашик; он знал, что его заждались, и решил поздороваться сразу, ещё не раздевшись.

– Всем привет! – с улыбкой сказал он. – Сейчас я вас поцелую, но только сниму вот это всё, от меня, должно быть, веет ужасным холодом, на улице такой мороз... – Он снял шапку, стал расстёгивать пуговицы и посмотрел на отца, маму и старика. – А что вы такие тихие, что-то случилось?

– Нет, сынок, – за всех ответил Александр Петрович. – Мы уже попили чаю, а ты, если хочешь...

– Спасибо, папа! Мамочка, ты не волнуйся, я если захочу, то всё сделаю сам!

Через несколько минут уже в спальне Анна подошла к мужу и спросила:

– Сашенька, тебя что-то тревожит? Скажи, если можешь!

Александр Петрович немного помолчал и улыбнулся:

– Анни, рядом с тобой ничего не может тревожить! – Он подошёл к шифоньеру и стал выбирать пижаму.

– Я понимаю, ты чего-то не говоришь... не хочешь, чтобы я волновалась, но я же вижу...

– Понимаешь, я не стал бы тебе ничего говорить, но это уже почти не секрет. Дело в том, что японцы готовят кампанию против Советов, здесь, на Дальнем Востоке. Конечно, всё секретно, но разве утаишь? Тут сама география на их стороне, грех упускать такую возможность – отрезать у Советов Дальний Восток им сам Бог велел! Ударить где-нибудь, – он резко провёл рукою сверху вниз, как будто что-то разрубил, – между Читой и Иркутском или западнее Иркутска, и до самого Владивостока всё их. Они и в девятнадцатом, и в двадцатом этого хотели, но тогда мощи не хватило... или решимости...

Он достал две пижамы, одну бумажную, другую шёлковую.

– Возьми бумажную, дома так натоплено, – посмотрев на него, сказала Анна.

Александр Петрович согласно кивнул и шёлковую положил обратно.

– Ты рассказывал про японцев, – напомнила Анна.

Она сняла халат и повесила его на плечики, прошла к комоду, открыла верхний ящик и стала выбирать ночную рубашку. Александр Петрович видел её такой каждый вечер, здесь, в этой спальне, когда она вот так готовилась ко сну. Она снимала халат, расстёгивала лиф и пояс, снимала чулки; она ставила ногу на пуф, стоящий рядом с кроватью, и, подхватывая пальцами, снимала один чулок, потом другой; она их не скатывала в колечко, а именно снимала, потом встряхивала и складывала, чтобы завтра отправить в бельевую корзину. Чуть уловимо от неё пахло духами: она брала с будуара один из многочисленных флакончиков, потом садилась к зеркалу, распускала волосы и начинала расчёсывать их. Освобождённые от шпилек, они падали

на спину и закрывали её до самой поясницы. Александр Петрович любил смотреть на плавность, неторопливость и женскую уверенность, с которой она всё это делала. Он часто ловил себя на мысли, что каждый день ждёт этих нескольких минут.

– Какие японцы, о чём ты говоришь? – тихо промолвил он, подошёл к ней и положил руки на плечи; она повернула к нему голову и снизу вверх посмотрела:

– Нет, сегодня мы будем говорить о японцах. – Она улыбнулась.

Александр Петрович посмотрел ей в глаза и с улыбкой сказал:

– Ну что ж, о японцах так о японцах!

Он подошёл к тумбочке, рядом со своей кроватью, взял папиросу, долго глядел в пол и потом задумчиво начал:

– Сейчас у них в Маньчжурии стоит целая армия – Квантунская. Группировка сильная, и в любой момент они могут её двинуть. – Он говорил медленно, делая паузы между каждым предложением. – Не знаю – чего они ждут? У Советов здесь сил пока не так много. Сталин за последние два года уничтожил своих лучших офицеров. Сейчас его войсками и командовать некому; молодежь ещё не обстреляна, серьёзной боевой закалки нет...

Анна сидела у будуара, продолжала расчёсывать волосы и внимательно слушала мужа, она смотрела на него через зеркало и уже понимала, что всё, что он сейчас говорит, не является настоящей причиной его беспокойства. Планы японцев и без того были всем понятны; никто этого не скрывал. Значит, произошло что-то другое, и это другое заставляет его переживать и даже что-то, наверное, скрывать от неё; но она не перебивала. На некоторое время он замолчал, потом наконец произнёс:

– Они стали интересоваться нами... правильнее сказать, – нашей молодежью!

У Анны ёкнуло сердце – вот оно что! Что-то может произойти с... Александр Петрович осторожно глянул ей в глаза.

– Пока тревожиться нет причин. Пока они набирают добровольцев. Кстати, в прошлом году ты ездила в Шанхай, – как тебе там понравилось?

Анна всё поняла и спросила:

– Ты думаешь, нам пора?

– Ну, по крайней мере, думать об этом уже, наверное, надо.

– Сашенька! Скажи мне, пожалуйста, что с нами может случиться?

Александр Петрович пожалел, что проговорился, но деваться было уже некуда.

– С нами ничего не может случиться, но японцы могут объявить мобилизацию.

– Кого? – спросила она осторожно.

– Нашей молодёжи! И тогда... – Александр Петрович положил неприкуренную папиросу на край пепельницы.

Ей не надо было договаривать, что тогда... опасность грозила её сыну, его могут мобилизовать в японскую армию или в маньчжурскую, она в этом не очень понимала. Это будет катастрофа: мало того что они живут в чужой стране, так ещё её сын может оказаться в чужой армии и попасть на чужую войну. Ничего хуже в голову ей прийти не могло.

– Думаю, что нас это не коснётся, – договорил Александр Петрович. – Надеюсь!

Анне Ксавьерьевне показалось, что она всё поняла, она встала, поцеловала его и погасила свет. Пятнадцать минутами раньше, ещё когда она шла в спальню, когда начала готовиться ко сну, когда слушала мужа, то чувствовала, что за день устала и хочет спать и уснёт, как только голова окажется на подушке, но сон прошёл.

Кузьма Ильич топтался и скрипел половицами.

«...Или сразу с Сашиком поговорить? – задавал он себе вопрос и не мог на него ответить. – Да и о чём? С чего начать? Что он знает в свои двадцать два с половиной года?»

Он подкрутил свет в керосиновой лампе, которую по старинке держал в своей комнате, сел на край неразобранной кровати и стал перебирать иконки. В руки попала самая толстая; не глядя он механически вертел её, потом удивлённо посмотрел, как будто бы раньше не видел, и крепким ногтем отковырнул заднюю стенку. На ладонь выпал в несколько раз сложенный ветхий листок бумаги с лохмато-бархатными серыми сгибами. Осторожно, чтобы не порвать, он развернул его, надел очки и стал вчитываться в мелкую скоропись, написанную фиолетовыми чернилами убористым почерком. Это был его почерк. Сначала он читал, скользя по строчкам, то верхним, то из середины, но вдруг остановился и стал читать внимательно: «...Как хорошо известно всем русским и, конечно, Вашему Высокопревосходительству, перед этим чтимым всей Россией Образом ежегодно 6 декабря в день зимнего Николы возносилось моление, которое оканчивалось общенародным пением «Спаси, Господи, люди Твоя!» всеми молящимися на коленях. И вот 6 декабря 1917 г... прибывшие войска...»

Кузьма Ильич читал и мысленно видел, как множество людей на Красной площади после окончания молебна стали на колени и запели «Спаси, Господи...», а на площади вдруг появились войска, они начали разгонять молящихся и стрелять по образу из винтовок и орудий... Кузьма Ильич видел святителя на иконе Кремлёвской Никольской башни, изображённого с крестом в левой руке и с мечом – в правой.

«...Пули изуверов ложились кругом святителя, нигде не коснувшись Угодника Божия. Снарядами же, вернее, осколками от разрывов была отбита штукатурка с левой стороны Чудотворца, что и уничтожило на иконе почти всю левую сторону святителя с рукой, в которой был крест. В тот же день, по распоряжению властей антихриста, эта Святая икона была завешена большим красным флагом с сатанинской эмблемой, плотно прибитым по нижнему и боковым краям. На стене Кремля была сделана надпись: «Смерть Вере – Опиуму Народа...»

Кузьма Ильич читал, почти не глядя в листок, он знал текст наизусть.

«...На следующий год... собралось множество народу на молебен, который, никем не нарушимый, подходил к концу! Но, когда народ, ставши на колени, начал петь «Спаси, Господи!», флаг спал с образа Чудотворца... Прибывшие войска разогнали молящихся, стреляя по образу из винтовок и орудий...» Кузьма Ильич вчитался в эти строки и вспомнил увиденную им, может быть, несколько месяцев назад картину, когда по улицам Харбина шли маршем колонны фашистов Константина Родзаевского. Они были одеты во всё чёрное, с белыми офицерскими кожаными портупеями и в нарукавных повязках с замысловатым орнаментом русской свастики. В их облике было что-то тревожное, неуютное и даже зловещее, заставившее поёжиться, как от холода, забравшегося под влажную, вспотевшую рубашку. Он тогда ещё подумал, как это страшно, что в этой чёрной массе есть и его внук.

Кузьма Ильич думал и немигающим взглядом смотрел на жёлтый огонек керосинки.

Как же он за эти годы сроднился с Сашиком.

В детстве мальчик был шумным проказником, любопытным, как все в его возрасте. У Тельнова не было своих детей, и он удивился, когда Сашик сразу назвал его дедом, не дедушкой, а именно дедом. Тельнова ещё удивило его домашнее имя – Сашик, потом он понял, что Анна Ксаверьевна его так называла, потому что в семье было два Александра: Александр – отец и Александр – сын. Сам Тельнов сразу принял Сашика как своего внука. Сашик вырос, проведя почти треть своей жизни у него на коленях.

Перед его взором снова встали колонны марширующих по харбинским улицам фашистов.

Всю жизнь Кузьма Ильич сторонился и политики, и партий, которых в Харбине развелось во множестве. Для него, старого московского мещанина, всё застыло и делилось только на «хорошее» и «плохое», «божеское» и «небожеское», на «за» то, о чём писал Фёдор Михайлович Достоевский, и «против» того, о чём писал Фёдор Михайлович Достоевский; поэтому ему что фашисты, что какие-то там легитимисты – было всё равно.

Точно так же Тельнов относился к тому, что происходило в России – в Советской России. Ему думалось, что, мол, – ну, революция! Это когда ничего не имущие восстали против всё имущих: надоели крестьянам помещики. Так было всегда: и при Алексее, и при сыне его Петре, и при Екатерине, и после реформ Александра, не говоря уже о Николае одном и Николае другом. Всегда «красный петух» заревал на русских горизонтах. А декабристы? Чего они стоили? Те и вовсе – свои против своих! Значит, даром? Не потому ли в Гражданскую было так много крови? Хотя тут почти понятно – одни у других отобрали и вроде как себе поимели.

Так ведь и не поимели! Большевики раздали землю колхозам, то есть себе, а не крестьянам, как обещали. И заводы не достались рабочим! Были морозовские и путиловские, а стали?..

А сейчас Сталин своих передушил! Зачем же своих душить? Или только тех, кто переметнулся? Так уж больно много! И не могли все – переметнуться!

Тельнов помнил, с каким трудом Александр Петрович Адельберг сдерживал слёзы, когда узнал, что его бывшего командира – командующего Заамурским округом пограничной стражи генерала Мартынова, ставшего красным генералом, с часами которого он не расстанется до сих пор, – год назад чекисты расстреляли у себя на Лубянке. Или не на Лубянке, это неизвестно. А известно то, что Мартынов к тому времени был уже никто в Красной армии, за десять лет до этого он вышел в отставку по возрасту. Так нет же, не пожалели старика. Не пожалели! И это в его-то семьдесят три года. Так, спрашивается, что же это за власть в России? И за что тогда столько людей угробили друг друга и до сих пор продолжают?

Ответа у Тельнова не было, он только понимал, что так нельзя.

Осознание политграмоты произошло у него, когда несколько лет назад, то ли в тридцать четвёртом, то ли в тридцать пятом году, фашисты по наущению японцев, а об этом гудел весь город, убили трёх харбинцев, а голову одного из них, какого-то Огнева, забросили аж во двор советского консульства. А кто они были, эти люди? Да не бог весть кто! Никому не известные! И зачем было забрасывать чью-то голову в советское консульство? Просто зверство, вот и всё. Как с теми казаками, которые, несмотря на прошедшие уже годы, так и не были забыты Кузьмой Ильичом. Они ему запомнились навек. И многое из того, что происходило в его жизни и в жизни окружающих его людей, воспринималось и оценивалось им через призму того случая на той маленькой, забытой богом сибирской станции.

«И все рассказывают про светлое будущее! Фашисты, что ли, – светлое будущее? Или НКВД – светлое будущее? Нету его – светлого!.. Вот такая она, «русская идея», всех нас и придавила, точно камнем», – думал старик.

Он разделся и лёг, и лампу погасил, и мешочек с иконками уложил в комодик, Аннушкин подарок: «Спасибо ей! Вот это – светлое настоящее! Даром что страна эта – Маньчжурия, а только здесь русские могут оставаться русскими».

И не спалось.

Не спалось и Анне Ксаверьевне.

Она поцеловала мужа, погасила ночник, повернулась на бок, затихла, но не заснула. Заснуть не давали мысли о Сашике и обо всех них.

Она давно потеряла следы своих родителей, письма от них перестали приходить где-то после июля семнадцатого. Она беспокоилась, думала даже ехать, но из России приходили такие вести, что ехать туда с маленьким сыном было немыслимо, а оставить его здесь и кинуться в неизвестность – невозможно. Так и осталась в неведении. Семья и сын стали тем единственным, ради чего она жила.

И вот сейчас, когда он вырос и стал уже таким взрослым и таким красивым и умным, – вот сейчас его надо будет отдавать в японскую или какую-то другую армию! И с кем воевать? Если правда то, о чём говорил Александр, – то воевать придётся со своими, с русскими, пусть даже с советскими.

Она – полячка, дворянка и католичка – давно уже считала себя русской. Маньчжурия стала её нерусской родиной, славянские, русский и польский, языки – её языками, хотя русский уже больше. А её Сашик – наполовину поляк, наполовину немец – даже и не задумывается – кто он. Русский гимназист, русский студент, дружит с девушкой со скандинавской фамилией, говорит по-русски, по-польски и по-китайски и уже почти освоил японский. Он – русский сын русских дворян. Он и сам так думает, она это знает!

Она давно лежала почти не шевелясь, боясь потревожить мужа. Над её головой висели их с Александром две свадебные фотографии. Они недолго выбирали, где им венчаться – католичке и лютеранину; Александр пошёл ей навстречу, и они обвенчались в костёле Святой Екатерины на Невском проспекте. Одна фотография была сделана около высокой арки костёла, другая – уже в студии. Сашик показал ей именно эту фотографию в тот день, когда Александр вернулся домой, в Харбин.

Она не спала и лежала, боясь потревожить мужа, а он тихо, чтобы не потревожить её, встал, собрал папиросы и спички и вышел из спальни.

Глава 10

Александр Петрович тоже не мог заснуть.

Сегодня к нему в Беженский комитет позвонил заместитель начальника Императорской японской военной миссии полковник Асакуса и пригласил поужинать. Звонок раздался к самому концу рабочего дня, видимых причин для отказа у Александра Петровича не было.

Закончив работу, Адельберг вышел на улицу и сразу увидел большой чёрный лимузин полковника, из него выскочил адъютант и услужливо открыл дверь.

Александр Петрович сел на заднее сиденье, они приехали на Соборную площадь и остановились около гостиницы «Нью Харбин». Она была недавно построена и светилась высокими прямоугольными окнами всех своих пяти этажей.

Адельберг жил совсем близко, практически рядом, и её строительство проходило на глазах. После японской оккупации в Харбине начался строительный бум, и всем было интересно, что предстанет перед глазами харбинцев, когда снимут строительные леса. Предстал пятиэтажный серый, по харбинским понятиям небоскрёб, лишённый чего-либо примечательного и совсем не гармонировавший с соседними домами. В центре Харбина, на Большом проспекте стояли особняки в стиле модерн: Ковальского, Остроумова, Скидельского, Джигелло-Сокко – с красивыми оградами и орнаментами оконных переплётов, ажурные Московские ряды, украшенные главками и шпилями; и в центре круглой площади – построенный брёвнышко к брёвнышку, как будто перенесённый с Русского Севера Свято-Николаевский собор.

Швейцар подбежал к машине, открыл дверцу и был удивлён, когда из неё вышел европеец.

В дальнем углу небольшого пустого зала Адельберг сразу увидел полковника Асакусу. Тот сидел за столом за деревянной, довольно симпатичной балюстрадой. Метрдотель поклонился и бодро засеменил к нему, Александр Петрович, пока шёл, успел подумать о том, что Асакуса снова не совсем обычно обставляет их встречу.

Асакуса встал поприветствовать гостя и пригласил его занять место напротив. Александр Петрович понял, что заказ уже сделан, и, пока вокруг стола ходил официант, они обменялись несколькими общими фразами.

Японец, как обычно, изъяснялся на изумительном русском языке.

Полковник Асакуса был в Харбине известной личностью, он появился в городе с первого дня оккупации, то есть в феврале 1932 года, хотя Александру Петровичу было известно, что полковник бывал в Харбине и до этого. После полковника Доихара он был главным в Маньчжуррии не столько по маньчжурским, сколько по русским, а точнее сказать, по советским делам. Асакуса активно общался с политической верхушкой русской эмиграции: атаманом Семёновым, генералом Косьминым, лидером фашистов Родзаевским и многими другими. Те, кому нужна была японская помощь, стремились к нему, однако многие русские старались держаться в стороне.

Ужин был сервирован по-японски: на деревянном столе без скатерти вместо тарелок стояли деревянные лакированные ящички, в которые были уложены лакированные коробочки с едой. На маленьких деревянных фигурках в виде зверьков с прогнутыми спинами лежали тёмные бамбуковые палочки.

Официант принес сакэ и перед каждым гостем поставил сакадзуки, чуть больше напёрстка.

Гости взяли горячие и влажные махровые салфетки, протёрли ими руки, официант налил сакэ, и тут же на стол были поставлены тонко нарезанная сырая рыба и рисовые шарики.

– Первый тост у нас положено пить за наше японское Солнце, за императора, но будем считать, что у нас на двоих – три императора: у меня – мой, у вас – ваш, и есть общий – император Маньчжурии – Пу И.

За императоров выпили стоя.

– Кстати, мы ведь давно с вами не виделись! С 1935 года, если не ошибаюсь! – сказал Асакуса, усаживаясь в кресле.

Александр Петрович кивнул.

Асакуса закусил и сказал:

– Но о прошлом позже, – и без всякого перехода спросил: – Как вы считаете, Александр Петрович, что нас ждёт в будущем, не очень отдалённом, лет эдак через пару или тройку?

Вопрос был неожиданный и, как показалось Адельбергу, неглавный в их беседе, и он пожал плечами.

– А всё-таки?

– Точно ответить не могу. Уточните, где?

– Здесь! – сказал Асакуса.

– Здесь, я думаю, ничего особенного, Харбин – это ведь только часть целого! А в Маньчжурии – война.

– Почему вы так думаете?

Адельберг посмотрел на собеседника.

– Господин полковник, – сказал он, разведя руками, – вы уж меня извините, но... не экзамен ли я тут держу?

– Нет! – усмехнулся Асакуса. – Однако интересно! Вы умный человек, стараетесь держаться подальше от политики... что вы думаете о перспективах развития обстановки здесь, на северо-востоке Китая?

Адельберг не торопился с ответом; он достал папиросу и стал её разминать.

– Опять-таки – война!

Асакуса протянул ему зажжённую спичку.

– Благодарю! – Александр Петрович затаился. – Европа хочет, чтобы Гитлер расплачивался по Версальскому договору, отдаёт себя по частям, чего не очень хочет, и пододвигает к Сталину, чтобы они воевали друг с другом. Разве вы, японцы, пропустите этот момент или вы пойдёте на Америку? Думаю, – нет! Вы базируете Квантунскую группировку здесь, а не на Алеутских островах.

Асакуса внимательно смотрел на Адельберга.

– Хорошо! – сказал он. – Это задача для вольноопределяющихся из студентов-менделеевцев или ботаников. Вы по делам Беженского комитета бываєте по всей границе, и на Амуре, и на Уссури, или, как вы говорите, – по всему кордону, всё видите и всё понимаете...

Адельберг, в свою очередь, смотрел на Асакусу, тот, не договорив, шумно, со свистом выдохнул, выпил сакэ и взял палочками ломтик рыбы. «Интересная нация эти японцы, – подумал Александр Петрович. – Едят никакую рыбу, сырую и даже несолёную, и пьют никакую водку, а всё вместе получается вкусно. По крайней мере, забавно!» Он тоже взял кусочек рыбы, обмакнул её в остром васаби, разведённом в соевом соусе, выпил сакэ и закусил.

– Понимаю, господин полковник...

Асакуса одобрительно хмыкнул:

– Александр Петрович, вы так ловко пользуетесь палочками! Называйте меня просто Асакуса-сан!

– Как вам будет угодно, Асакуса-сан. Я благодарен вам за приглашение, но оно немного необычно. После тридцать второго года вы могли просто вызвать меня к себе в кабинет или в жандармерию к Номуре, на крайний случай – в Бюро по делам эмиграции. Поэтому, если позволите, я хочу вас спросить – зачем этот разговор? Уже второй!

– Ну что же, на откровенный вопрос – откровенный ответ! Если то, о чём вы говорите, начнётся, что вы будете делать?

– За всех я ответить не могу...

– А я за всех и не спрашиваю. Что будете делать вы, барон фон Адельберг, полковник, офицер гвардии его императорского величества, заместитель разведки Верховного? Конкретно вы?

– Я об этом не думал! – без паузы ответил Адельберг. – А приставку «фон» отменил ещё император Александр Третий!

Асакуса сделал вид, что не услышал этого замечания:

– Вы не собираетесь отсюда уехать? Как Николай Васильевич Устрялов, ваш приятель, или другие! Если не в СССР, то в Шанхай, или в одну из Америк, или Австралию?

– Ну как Устрялов, конечно, нет! Там со мной будет то же, что и с ним, а в другие перечисленные вами места... для этого нужны средства. Поэтому пока не собираюсь.

– Насчёт средств вы лукавите, средства у вас должны быть, хотя живёте вы скромно! Что правда, то правда!

– Какие средства вы имеете в виду?

– Ну вы же всё-таки охраняли последний эшелон с «золотым запасом»? Разве...

– Господин полковник, – Адельберг откинулся на спинку кресла, – сейчас не те времена, но за такой намёк...

– Понимаю, понимаю! – С широкой улыбкой Асакуса тоже откинулся на спинку кресла и широко положил на столе руки. – «К ответу! Требую сатисфакции!» Мы же оба из гвардии... но, Александр Петрович, боюсь, сейчас это действительно невозможно! – Его голос звучал насмешливо и внушительно. – Не удивляйтесь! Я служил в 1-м пехотном гвардейском полку, и квартировали мы, как и вы, в столице, рядом с императором. Понятия чести у нас и у вас мало чем отличаются, поэтому не обижайтесь. И мои коллеги, если вы меня убьёте, вас не поймут... Сейчас не о средствах. Об этом мы, может быть, ещё поговорим.

Александр Петрович несколько остыл, и ему стало понятно, что эта тема тоже неглавная, а Асакуса из тактических соображений меняет направление и ритм разговора, делая его то спокойным, то нервным.

«Известный способ, надо поддаться, но не сразу», – решил Александр Петрович.

– А всё-таки о каких средствах вы говорите? Ведь это же вы тогда весь эшелон забрали, вы же не могли рассчитывать на то, что вас будет не отличить от чехов. Помните? На станции... между Зимой и Иркутском! Это вы стояли за спинами у чехов! Только были моложе!

– Тогда все были моложе...

Адельберг не дал ему договорить:

– И цвет лица у всех тогда был менее землистый!

При этих словах рука Асакусы, несмотря на то что он был в гражданском платье, невольно потянулась к левому бедру, туда, где японские офицеры носили свои самурайские мечи. Он, правда, вовремя опомнился, но на секунду его взгляд стал недобрый.

«Заело! Не забыл, как его... живым в землю закопали!»

Асакуса сглотнул и, не шевеля губами, произнес:

– Ваш эшелон красные взорвали, и он упал в Байкал, но вам бы это золото, господин полковник, один чёрт, извините, не помогло. Вы были проигравшей стороной, а сейчас мы его вам возвращаем. Понемногу.

Он выпил без тоста и стал есть. Адельберг тоже взялся за палочки, однако новость о том, что эшелон, который он сопровождал, был уничтожен красными партизанами, создала в его душе холодную пустоту. «Ладно, – подумал он, – этот факт надо будет обдумать, но – позже».

– Хорошо, господин Адельберг. – Голос Асакусы был сухой и официальный. – Тогда давайте поговорим вот о чём! Все, с кем я общаюсь, из ваших, так или иначе ангажированы

какой-нибудь идеей. А это, как известно, делает человека несвободным. Вы не примкнули ни к каким партиям и движениям, поэтому, надо полагать, вы можете беспристрастно оценивать обстановку, и в том числе и эти партии и движения, точнее, то, что от них осталось. Что вы думаете о них?

– Конкретно, если можно!

– Для начала – что вы думаете о Белом движении вообще?

«Издавека начинается! Но это, видимо, уже ближе к теме!» – подумал Адельберг и так же сухо, в тон японцу, ответил:

– Белого движения нет. Здесь! А впрочем, и везде. Оно кончилось. Есть много людей, русских и нерусских, которые мечтают о своей прежней родине. О России! Но России уже тоже нет. Той! И не будет. Есть новая Россия – Советский Союз, который от нас отбился с оружием в руках, отвоевал пространство и на нём стоит. И строит там свою, новую жизнь. Хорошо ли, плохо ли – не нам судить. Но это так. Мы там не нужны. Слишком остервенелой была ненависть русского крестьянина к барину, то есть к нам – господам; поэтому в революцию и в Гражданскую пролились моря крови. Она нас разделила навсегда.

Адельберг разминал палочками кусочек не растворившегося в соевом соусе васаби.

– Сейчас всё успокоилось! Мы тут грызёмся, а они там пахнут землю, строят заводы. Ну и заодно колошматят – свои своих...

– Это как? – сделал удивлённый вид Асакуса.

– Вам-то не знать! – с ухмылкой сказал Адельберг. – Сталин уничтожил почти всех, с кем он во главе с господами Ульяновым и Троцким совершили Октябрьский переворот. Это ведь не новость – когда тот, кто приходит к власти, уничтожает тех, кто его к этой власти привёл. Но... это их дело, господин Асакуса. Страна большая, народу много, всех не перебьёшь, а уничтоженным всегда найдётся замена.

– А как вы думаете, почему Сталин их уничтожает?

«Это уже скучно, господин самурай! Вы же в разведке, а не я! Неужели ради этого меня позвали?» – мысленно простонал Адельберг, но вслух ответил в прежнем тоне:

– Это просто! Те, кто шёл с ним на баррикады, могли себе позволить собственное мнение, то есть несогласие с мнением вождя, разные высказывания, оппозицию и так далее. Сталину это, естественно, ни к чему. А новые, которых он поставил на место тех, кого ликвидировал, будут ему по гроб жизни благодарны и служить будут верой и правдой, потом он и их уничтожит и приведёт на их места других, ещё более преданных. И так будет длиться много лет, может быть, сорок, а может, и более. Моисею, кстати сказать, понадобилось именно сорок лет и множество испытаний, чтобы в племенах Израилевых ушли в мир иной все, кто помнил жизнь в Египте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.